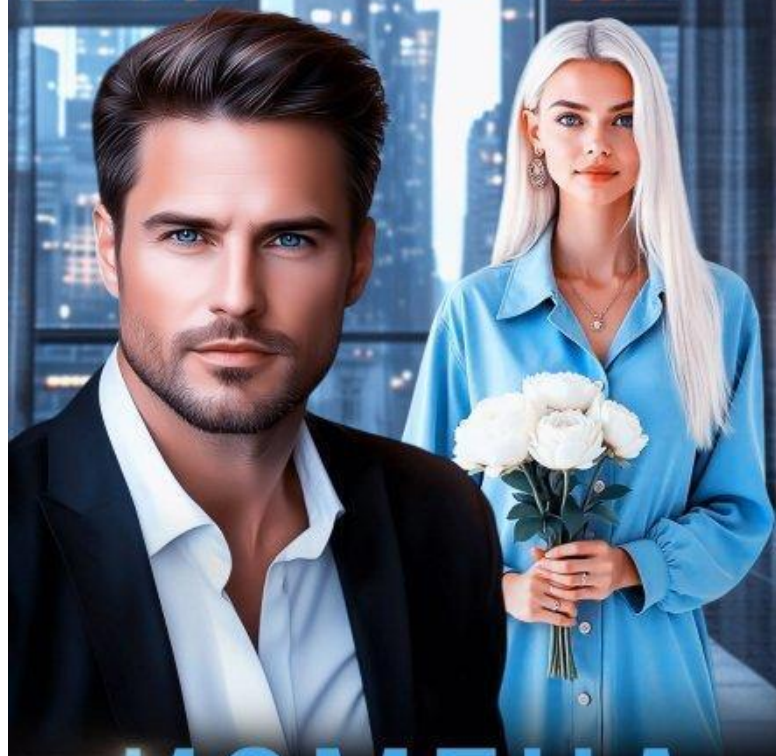

СОФИ ВАРНЕТ

ИЗМЕНА

НЕ прощу тебя, С, никогда!

Софи Вариет

Измена. Не прощу тебя, С, никогда!

<https://litres.ru/74211282>

Аннотация

– Ты изменил мне с моей старшей сестрой! – Я не знал, что она твоя сестра, – я усмехнулась, смахнув со щек слезы. Лучше уж злиться, чем плакать. – А. То есть, если бы знал, переспал бы с кем-то другим? – Ты передергиваешь, – он хотел взять меня за руки, но я отступила, спрятав ладони в карманах платья. – Я был пьян, Алина, пойми, я не хотел, – ах, ещё и пьян, конечно! – Знаешь что, милый? Даже на языке полицейских протоколов состояние алкогольного опьянения не является беспомощным. Это не оправдание! – Алина, перестань. Я же тебя люблю! – ох, какой наглец. И после всего этого он ещё смеет... – Конечно, – иронично протянула я. – Любишь меня, а женишься ты на Свете. – Всё не так, – он взъерошил свои темные волосы рукой. Так он делал, когда особо волновался. – Она беременна, Алиш, – это было словно удар ножом в сердце. Удар настолько сильный, что сразу лишал жизни. – Что? – я прижала ладонь ко рту. Слезы так и рвались наружу. – Это изменило все, Алин, – о да, изменило. – С родителями мы уже говорили об этом. Свадьба будет через неделю... Он изменил

с её старшей сестрой. Она попросила другого притвориться её парнем. _____ Не забывайте подписываться на автора, чтобы не пропустить новости и промокоды Ставьте книге ♥#, если нравится! Вам не сложно, а мне приятно!*За прекрасную обложку спасибо мастерице Erike | Обложки для книг

18+ Книга про Светлану:

Содержание

Пролог.	6
Глава 1.	9
Глава 2.	13
Глава 3.	18
Глава 4.	22
Глава 5.	26
Глава 6.	33
Глава 7.	38
Глава 8.	42
Глава 9.	46
Визуализация.	50
Глава 10.	51
Глава 11.	55
Глава 12.	61
Глава 13.	65
Глава 14.	69
Глава 15.	76
Глава 16.	80
Глава 17.	85
Глава 18.	90
Глава 19.	95
Глава 20.	99
Глава 21.	107

Глава 22.	112
Глава 23.	117
Глава 24.	122
Глава 25.	128
Глава 26.	136
Глава 27.	143
Глава 28.	148
Глава 29.	157
Конец ознакомительного фрагмента.	158

Пролог.

Две девушки сидели в небольшом уютном кафе. Они зашли в него после шопинга, чтобы перевести дух. Беззаботный щебет, точно звонкие переливы тропических птиц, доносился до работников и посетителей заведения, которые невольно прислушивались к их беседе.

Если присмотреться, между барышнями проступало некое сходство, хотя на первый взгляд они казались полными противоположностями. Девушки приходились друг другу родными сестрами по материнской линии — отцы у них были разные. Первая — небольшого роста блондинка с довольно подтянутым, но не модельным телом и в целом посредственной, заурядной внешностью, вторая — высокая жгучая брюнетка, которую хоть сейчас можно было снять на обложку модного журнала.

Общность проявлялось в чертах лица: одинаковый овал, ангельские голубые глаза, пухлые губы, подаренные природой длинные ресницы. Если облачить девушек в хиджаб, отличить их и вовсе будет практически непосильной задачей. Очи юных красавиц были настолько похожи, что возникало ощущение, будто их создавали по одному шаблону. Единственное несоответствие — над губой у брюнетки была родинка, что добавляло некоторую изюминку её образу.

— Мне кажется, ты какая-то напряженная, Свет, — вдруг

прервала сестру блондинка, заметив, как та стала путаться в повествовании и оглядываться, периодически отвлекаясь на телефон. — Что-то случилось?

— Ой, нет, всё нормально, Алин. Прости, — её улыбка и нетерпеливые жесты выдавали радостное предвкушение. — Помнишь, я говорила тебе, что начала встречаться с одним парнем? — заговорщицки спросила Света, поправляя причёску.

Цокнув языком, Алина театрально закатила глаза и откинулась на спинку мягкого дивана:

— Конечно, помню. Ты мне все уши прожужжала про свою любовь.

Света хихикнула:

— Ну, если честно, я была не уверена, что это любовь. Но теперь всё изменилось. Понимаешь, Алиш? Всё!

Алина искренне улыбнулась, умиляясь внезапной ребячливости всегда серьёзной и собранной сестры. Она будто помолодела на несколько лет, с поистине детским восторгом в горящих глазах возвращаясь мыслями к своему бойфренду.

— Давай, колись уже, что произошло? — поторопила Алина, отпивая кофе. — Вижу, как тебе не терпится сказать.

Светлана сразу как-то приосанилась, глубоко вздохнула, словно собираясь с духом, и выпалила:

— Он сделал мне предложение!

— Поздравляю! — воскликнула Лина, не сумев сдержать эмоций.

— Спасибо, Алин! — придвинувшись поближе, девушка сжала ладони сестры и доверительно прошептала: — Я такая счастливая, ты даже не представляешь.

«Представляю, Свет, очень даже представляю!» — подумала Алина, вспомнив о кольце, которое лежало в её сумочке. Перед ней самой совсем недавно встал на колени парень, которого она любит. Как же удачно всё складывалось: они обе выйдут замуж, может, даже в один день! Было бы здорово совместно отметить свадьбу!

Алина тихонько вздохнула и осторожно высвободила руки.

— Светик, я должна признаться...

— Давай позже, Лин? Хочу познакомить тебя со своим женихом, — бестактно перебив девушку, Света вдруг поднялась из-за стола и направилась к ней за спину. Алина слегка растерялась, поскольку не ожидала, что к ним кто-то присоединится, тем более жених её сестры, которого Алина ни разу не видела.

Девушка отодвинула радостную новость на задний план и встала, чтобы приветствовать избранника сестры. Она подняла взгляд — и сердце рухнуло в пятки: нежно обнимая за крепкое плечо, Света вела к Алине парня, который ещё пару дней назад просил её руки...

Глава 1.

... Я застыла, не в силах отвести глаз от двух дорогих сердцу людей и отказываясь верить в происходящее. Моя старшая сестра и *мой* мужчина стояли вместе, обнявшись. И я бы солгала, сказав, что подхожу Сергею больше, чем Света, но... Какого чёрта?!

— А ты, должно быть, Алина? — беззвучно велел мне молчать, как ни в чём не бывало, поинтересовался он. Старался неверный жених напрасно. Я не могла вымолвить и слова — ком в горле не давал дышать, потрясение сковало мышцы. Поняв, что отвечать я не собираюсь, парень добавил: — Света много о тебе рассказывала.

Сестра в ответ счастливо улыбнулась, прильнув к Сергею теснее. Хотя, казалось, куда уж теснее.

— Правда? — сипло начала я. Прокашлялась, возвращая голосу ровность: — А мне о тебе она не говорила, — пряча трясущиеся руки за спиной, растянула непослушные губы в кривой улыбке.

— Не хотела сглазить, — Света виновато пожала плечами. — Сережа такой хороший! — О да, конечно! Теперь вижу, какой он хороший. — Я боялась упустить такого мужчину, извини.

Сцепляю пальцы в замок, стискивая челюсти до хруста и поражаясь вывертам судьбы. С другой стороны, что бы я сде-

лала, поведай мне Света о своём парне, который, как я считала, был только моим? Впрочем, неважно. Меня сильнее волновал Сережа, который смотрел на меня в упор — без тени сожаления или раскаяния на привлекательном лице. Он выглядел скорее потерянным, нежели уличённым в грязной измене. Вероятно, не ожидал, что сестрой его невесты окажусь именно я. Как и я не ожидала увидеть его здесь — в амплуа чужого суженого.

— Понимаю, — голос как-то сам собой тускнеет, лишаясь всяких красок. Становится бесцветным и пустым. — Вы замечательно смотрите вместе.

— Да, знаю, — влюблёнными глазами глядя на Сергея, произносит сестра. — Наша встреча — это судьба. Правда, милый?

Не в состоянии дольше терпеть изощрённую пытку, сахарной патокой льющуюся в уши, впиваюсь в парня взором, полным молчаливой просьбы. Скажи, что это просто неудачная шутка, дурацкий розыгрыш, пожалуйста, прекрати издеваться надо мной... Но Сергей остаётся глух к моим мольбам. Не шутка. То есть шутка, конечно, только вот шутником оказался не он, а злой рок. Я осознала это, когда Сергей повернулся к Свете, нежно приподнял её подбородок, улыбнулся своей фирменной улыбкой: обворожительно и неотразимо — и пророкотал своим бархатным голосом:

— Правда, дорогая. Между нами будто пробежала искра. Он смотрел на неё точно так же, как смотрел неделю назад

на меня. Но добила меня интонация и слова: «Искра между нами», — так он сказал мне, когда мы шли по утопающему в розовых лучах заката Эрмитажному мосту, когда он встал на колено и...

Нижняя губа начинает дрожать от подступающих слёз. До зуда в кулаках хочется подлететь к ним, оттолкнуть Сергея, ударить его — чтобы почувствовал на мгновение хоть каплю той невыносимой боли, что причинил мне сам, засадив нож в незащищённую спину; рассказать сестре, какой он на самом деле, раскрыв ей правду, которая разобьёт её счастье на миллионы осколков...

Нет, я не могу поступить с ней так жестоко. Не могу из-за лжеца и предателя рушить жизнь родного человека. А свою могу? Ха, она без того была бы разрушена. Если бы Света не была моей сестрой, то, скорее всего, я бы не узнала о второй женщине в жизни Сергея сегодня. Но обман, так или иначе, вскрылся бы — рано или поздно, и я не берусь заявлять, что сумела бы его пережить при ином раскладе. В нашей же ситуации есть шанс всё исправить.

— А что ты мне хотела сказать до прихода Сережи? — вдруг спросила сестра, оторвавшись от вышеупомянутой личности.

Я едва не скривила губы, поймав взволнованный взгляд Сергея. Мотнула головой, сбрасывая оцепенение. Я ни за что не расплачусь — признавая слабость. Много чести для изменщика.

— О, ничего особенного, — отмахнулась я. — Счастье моей любимой сестрёнки гораздо важнее, — выдавив улыбку, поднесла к лицу запястье, якобы проверяя время на наручных часах, и скороговоркой пробормотала: — На самом деле мне уже пора бежать — совсем забыла, что на сегодня назначена встреча. Так что... Не буду вам мешать. Воркуйте, голубки, — и, пока никто из них ничего не успел осознать, на непослушных ногах выскочила из кафе.

В груди пылало, я задыхалась, вдыхала не кислород, а стекловату. Мне срочно нужно было на свежий воздух. Туда, где только шаг отделяет от заветной свободы...

Глава 2.

Сама не заметила, как оказалась на мосту. Ветер рвал волосы, но я не обращала внимания — всё внутри сжималось от боли. Опершись на перила, бездумно взирала на чёрные воды Невы, глубоко вдыхая прохладный речной воздух. Муторные мысли бились о стенку черепной коробки, точно шумные волны о берег.

Так вот, значит, как заканчивается сказка? Неожиданно и мучительно...

— Лиша, — внезапно раздалось из-за спины до боли знакомое прозвище.

Я резко обернулась. Рядом со мной стоял Сергей. Настолько близко, что стоило протянуть руку — и можно было коснуться.

— Так и знал, что найду тебя здесь, — он неловко переминался с ноги на ногу, словно не знал, что сказать. А я просто смотрела на него — и не узнавала. Вроде это был тот самый мужчина, в которого я по неосторожности влюбилась, а вроде и не он...

Устало откинулась спиной на перила, локтями упёршись в холодный камень.

— Зачем ты здесь? — на нечто большее я была не способна. Язык с трудом ворочался во рту. Слова не шли.

— Поговорить, — с той же неуверенностью отозвался он.

— О чём? — усмехнулась.

— О нас.

Запрокинув голову, я расхохоталась. И пусть мой громкий смех смахивал на истерический, мне было плевать.

— О каких «нас», Сергей? — натурально оскалилась я. — Нет никаких нас, и уже не будет. Ты теперь с моей сестрой, я видела вас... Её. Она любит тебя, и ты сделал ей предложение. Это конец! О чём тут можно говорить?

Удивительно, что я ещё держалась, а не набросилась на него с кулаками, некрасиво разревевшись. Моей выдержке позавидовать можно.

— ...Кстати, что ты сказал Свете и почему оставил её одну?

— Ты сумку забыла, — он протянул мне клатч, и вновь смешок сорвался с моих губ. Как благородно, наверное, он выглядел в Светиных глазах. Кинулся за её рассеянной сестрой, чтобы вернуть сумку — каков герой! — Алина, пожалуйста, выслушай меня.

— Мне неинтересно, что ты скажешь. Ответь мне честно — всего на один вопрос. Большого мне не надо, — Сергей кивнул, в надежде уставившись на меня, и в звенящей паузе прозвучало роковое: — У тебя со Светой что-то было?

Он побелел.

— Алин, это не...

— Ответь: «да» или «нет», — жёстко оборвала.

Повисла напряжённая тишина, нарушаемая лишь плес-

ком воды и шуршанием колёс редких автомобилей. И, наконец, заветное:

— Да, — ставит жирную точку.

Рванный выдох унёсся к облакам. Такой тёплый, солнечный летний день, а на душе метёт пурга...

— Но та ночь ничего не значит, мои чувства к тебе...

— Какие чувства?! — повысила я голос, не давая ему договорить. — Ты изменил мне с моей старшей сестрой!

— Я не знал, что она твоя сестра, — он явно не понимал, какое неоднозначное и жалкое алиби придумал.

Горько ухмыльнувшись, я смахнула со щек предательские слёзы. Лучше уж злиться, чем плакать.

— То есть, если бы знал, переспал бы с кем-то другим? — выпрямилась, чтобы чётко видеть бесстыжие синие глаза.

— Ты передёргиваешь, — Сергей протянул навстречу руку, пытаясь ухватить меня за предплечье, но я отступила, спрятав ладони в карманах платья. — Я был пьян, Алина, пойми, я не хотел!

Ах, ещё и пьян!

— Знаешь что, милый? Даже на языке закона состояние алкогольного опьянения не является беспомощным! — когда нервничаю, непроизвольно начинаю оперировать юридическими терминами. И ничего с собой поделать не могу. — Это не оправдание предательства, «Серёжа»! — язвительно передразнила я сестру.

— Алина, перестань. Я же тебя люблю!

Нет, ну вы только гляньте, какая наглость! И после того, что натворил, он смеет...

— Конечно, — саркастично покивала я. — Любишь ты меня, а женишься — на Свете.

— Всё не так, — он взъерошил свои тёмные волосы рукой, как делал в моменты особого волнения, отвёл взгляд и вдруг тихо добавил: — Она беременна, Алиш.

Одно слово как удар топором в сердце. Удар такой силы, что получившие его не остаются в живых...

— Что? — я в неверии прижала ко рту ладонь. Нутро будто окатили кислотой, слёзы так и рвались наружу.

— Её беременность всё меняет, Алин, — продолжил Сергей глухо. — С родителями мы уже обсудили. Свадьба будет через неделю.

— Поздравляю, — вытолкнула из себя и развернулась, не желая ни секунды больше находиться с ним рядом. Противно, как будто в помоях извалялась. — Желаю вам счастья!

— Алина, постой!

Вопреки убеждениям, я замерла в нерешительности. Остановилась, хотя следовало бежать что есть мочи. От него и вероломного предательства любимого мужчины. Остановилась, потому что было тяжело перечеркнуть то хорошее, что было между нами. Я встала вполоборота, демонстрируя таким образом готовность слушать, но и чуть что — уйти, не оглядываясь.

— Верни кольцо, пожалуйста, — на плечо опустилась го-

рячая ладонь.

Я медленно обернулась. В глазах словно иголки закололи, заставляя торопливо моргать, чтобы не позволить пролиться непрошенной влагой.

— А, кольцо, конечно.

Я полезла в сумку. Пальцы немели, мир расплывался от подступающих слёз. Наконец нащупав кольцо, я зажмурилась до разноцветных пятен под веками.

Золотой ободок, голубой камень — всё, что осталось от моего «счастливого завтра».

Понятия не имею, сколько так простояла. Из оцепенения вырвала возникшая перед помутневшим взором тень — Сергей неслышно приблизился, намереваясь забрать то, что добровольно надел на мой палец какие-то сутки назад на этом же мосту.

Я подняла голову. Не знаю, что он в них увидел, но тут же отступил на шаг. Камень впился в ладонь — остро, отрезвляюще, но я не ощутила боли.

— Подавись своим кольцом, Серёжа!

Я размахнулась и бросила железку в реку без тени сожаления, отвернулась от предателя и рванула прочь, на ходу стирая солёные капли, непрерывным потоком текущие по щекам...

Глава 3.

Неделю спустя. День свадьбы.

Семь суток перед свадьбой Светы и Сергея растянулись для меня на долгие годы. Потому что подготовка к торжеству легла на наши с сестрой хрупкие плечи. Мама хотела помочь, разумеется, но Света настояла, чтобы всеми организационными вопросами занимались мы вдвоём. Обосновала она свою прихоть тем, что мама проходила через это в молодости, а для меня будет полезным опытом. Да и кто, если не младшая сестрёнка, поможет выбрать самый красивый букетик и свадебное платье, подскажет, в какой цветовой гамме лучше оформить банкетный зал, и многое другое? К тому же кто, если не я, подойдёт на роль свидетельницы невесты?

Я надеялась, что мои страдания растворятся без остатка в предпраздничной суете и приятных хлопотах, но жестоко ошиблась. Ведь понимала, что всё: и выбор платья, и подготовка приглашённых, и заказ шикарного торта и музыкантов — могло предназначаться мне...

Откуда Свете было знать, какие мучения мне приходилось терпеть и какой экзекуцией для меня стали её разговоры о грядущем торжестве? Поддерживать её, изображать счастье, пока душу разрывало от горя, было безумно тяжело. Единственным, кто догадывался о моём самочувствии, был Сергей, однако он не вмешивался, занятый своими делами.

Его родители, к слову, в подготовке к празднеству вообще не участвовали, но сделали молодожёнам поистине шикарный подарок: приобрели дом. Если быть точнее, то они решили заранее оплатить постройку абсолютно нового, семейного, так сказать, гнёздышка. В подробности я не вдавалась, но, насколько поняла, планировалось что-то грандиозное.

Оказалось, что родители Сергея живут в том же коттеджном посёлке, в котором проживает моя семья, и, по сути, являются нашими соседями. А я даже не подозревала. Сергей никогда не говорил, и я не спрашивала. Он единственный ребёнок в семье, родители у него очень строгие. Поэтому, едва он начал зарабатывать достаточно для самостоятельной жизни, съехал из их особняка в город. Там-то мы и познакомились... Кто бы мог подумать, что в итоге всё так обернётся? Он женится сегодня на моей старшей сестре, а мне придётся нацепить маску и улыбаться, пряча свою грусть за ширмой напускной радости.

Я подошла к окну, разглядывая неровные ряды частных домов. По стеклу, стуча и сливаясь в ручьи, стекали капли дождя. Небо было серым, затянутым мрачными тучами. Ливень стоял сплошной стеной, и я непроизвольно поёжилась. Погода не порадовала жениха и невесту, словно передавая моё состояние. Небеса оплакивали мою обманутую любовь.

На мне было голубое струящееся платье, наподобие древнегреческого, но в современном стиле. Талию охватывал золотой пояс в форме бесконечности, со вставками из шёл-

ка между его изгибами. Одно плечо было открытым, а на другом ткань, подкреплённая янтарного цвета элементом, на спине плавно переходила в полупрозрачный аквамаринный шифон. Сестра выбрала для дресс-кода свадьбы голубой и белый тона, символизирующие чистоту и невинность. А поскольку её свадебное платье (кстати, тоже выполненное на греческий манер — хотя сама свадьба вовсе не соответствует этой тематике, ей захотелось, чтобы мы выделялись на общем фоне) будет молочного оттенка, мне, как подружке невесты, предстоит облачиться в светло-синий наряд.

Пользуясь случаем, Света вдобавок обмолвилась, что будет руководить организацией моей будущей свадьбы. Настолько ей понравилась эта беготня. С каждым её словом в сердце словно вонзался огромный гвоздь, проникая всё глубже. Напряжение росло в геометрической прогрессии. Я едва не сорвалась, чтобы раскрыть сестре всю правду о её женихе. Благо мама спасла положение, за секунду до катастрофы позвав меня, чтобы показать меню будущего застолья.

В общем, эта неделя стала для меня настоящим адом. А ведь ещё самой церемонии бракосочетания не было. Не представляю, как мне удастся сохранить лицо, когда будут звучать клятвы верности друг другу и любви до гробовой доски...

Ведь Сергей для меня стал целым миром, моей вселенной, моим кумиром, мечтой! Несбывшейся мечтой... Я должна была быть его судьбой, любимой женой... А теперь что? Как

мне жить, зная, что где-то совсем рядом мой любимый мужчина и моя сестра спят в одной постели... Как мне в будущем нянчить своего племянника или племянницу, видя в ребёнке напоминание о коварном обмане? Как?

Почему он выбрал её, а не меня? Всё из-за долга? Из-за того, что Света беременна? Он же её не любит...

Хотя... Не имеет значения. Сергей растоптал моё доверие, изменив мне с моей сестрой, на что невозможно закрыть глаза. Время не отмотать назад. Я никогда не найду в себе мужество его простить...

Глава 4.

— Алин, ты готова? — в мою комнату, легонько стукнув костяшками пальцев по приоткрытой двери, вошёл отец. Я быстро заморгала, прогоняя пелену слёз, и попыталась улыбнуться естественно.

— Готова, — ответила я, обернувшись и откидывая завитые крупными кольцами волосы за спину.

Отец уже был при полном параде. Светло-русые волосы зачесаны назад и зафиксированы лаком. Белая рубашка, чёрный костюм в тонкую синюю полоску подчёркивали мужскую статью. Запонки с тёмно-голубыми бриллиантами — подарок мамы на годовщину — отлично гармонировали с того же цвета галстуком в ромбик. Отцу пятьдесят шесть лет, но выглядит он не старше сорока; даже сросшиеся бакенбарды и небольшая бородка его нисколько не старили.

— А мама где? — поинтересовалась я, разбавляя тишину.

— Ай, они со Светой там придумывают, как убереечь макияж и причёску невесты от дождя, — папа по-доброму рассмеялся. — А ты, я смотрю, по этому поводу не переживаешь? — заметил он.

— Ну не я же замуж выхожу, — усмехнувшись, я подошла к отцу и обняла его за талию, прижавшись щекой к надёжному плечу. В ответ тёплая родительская ладонь легла на спину, мягко поглаживая. — Так что ничего страшного,

если кудри упадут, а макияж немного размоется.

— Ты и без этого у меня красавица, — поцеловав в макушку, папа слегка отстранился, заглядывая мне в глаза. Моя приподнятая бровь заставила его тут же исправиться: — Ну, то есть вы обе красавицы.

Я покачала головой. Отец в своём репертуаре. Между мной и Светой — семь лет разницы. Мама не любит вспоминать прошлое, но я знаю, что родной отец сестры бросил маму, как только узнал о беременности. Мой папа появился в их жизни, когда Свете было пять. Он полюбил её как родную. А потом появилась я. И наша семья стала ещё дружнее и крепче. Мы со Светой были не просто сестрами, а лучшими подругами. Разница в возрасте нисколько не мешала и вообще была неощутимой. Родители всегда относились к нам одинаково, не обделяя кого-то вниманием. Папа, правда, часто так делал: хвалил одну, а после другую, что неизменно служило поводом для шуток.

— Спасибо, пап, — чмокнув отца в небритую щёку, я улыбнулась.

— Ладно, красотка моя, пойдем, поторопим их — а то свадьбу пропустят такими темпами, — мы обменялись понимающими ухмылками и вышли из моей комнаты.

На церемонию я решила ехать отдельно от семьи — мне нужно было забрать букет невесты из салона. Разумеется, это была лишь отговорка, чтобышний раз не пересекаться с Сергеем. И так весь сегодняшний день будет мозолить гла-

за. К тому же немного одиночества мне не помешает, чтобы морально настроиться на предстоящее торжество.

Сестра лучилась счастьем, когда мы с папой заглянули в её спальню, пусть и волновалась до трясучки. Воспользовавшись тем, что родители сосредоточились на ней, я сумела незамеченной выскользнуть из дома. На крыльце меня, как и договаривались, с зонтом в руке ждал дворецкий. Я благодарно улыбнулась ему. Мужчина проводил меня до ворот, у которых блестел папин чёрный «Мерседес», украшенный по особому случаю, а рядом стояло моё такси. Я нырнула в тёплый салон, назвала адрес цветочного салона и уставилась в окно, стараясь ни о чём не думать.

Из-за плохой погоды на дорогах были ужасные пробки, и я боялась опоздать. Как назло, и в самом цветочном тоже была очередь. Видимо, не у одной Светы сегодня свадьба.

Хотя опасения были вполне обоснованными, я успела вовремя. К сожалению. Никто бы и не заметил моего отсутствия на церемонии. Ведь внимание всех без исключения, само собой, было приковано к брачующимся. Что, собственно, порадовало меня, избавив от переживаний насчёт того, что кто-то заметит моё истинное состояние.

Когда прозвучали клятвы и жених и невеста официально стали супругами, а Сергей наконец поцеловал Свету, я, точно мазохистка, паялилась на них и не могла отвернуться. Хотела уловить хоть что-то опровергающее реальность происходящего — но тщетно. Горячие слёзы сорвались с влажных

ресниц.

Вот и всё...

Пульс частил, по венам потекло бессилие. Я опустила голову, утирая белым платком солёные капли. Мама тоже расчувствовалась от трогательности момента, поэтому мои слёзы были восприняты как слёзы радости за сестру.

«Надеюсь, сестрёнка, тебе никогда не придётся испытать то, что пришлось испытать мне. Надеюсь, вы будете счастливы вместе. Ради твоего благополучия я готова пожертвовать любовью. Запру её в самом дальнем уголке сердца, обещаю», — подумала я, и тут Сергей повернулся, беззастенчиво обращая на меня взор. Не в силах его вынести, я отвернулась. Потому что в синих океанах его очей горела непонятная эмоция: какая-то тягучая, чёрная, какой я раньше никогда не замечала. И в груди вдруг что-то неприятно сжалось, кольнуло, заныло — крича о надвигающейся беде...

Глава 5.

После церемонии молодожёны отправились на фотосессию, которую из-за дождя пришлось перенести в усадьбу Державина, а точнее, в оранжерею. Папа специально заказал там свадебное оформление несколько дней назад, учтя непостоянство погоды в нашем городе: несмотря на солнечные прогнозы, Санкт-Петербург в любое мгновение мог разразиться грозой. Он решил перестраховаться. И не прогадал. Праздник новобрачных, благодаря предусмотрительности отца, не был сорван и испорчен.

Родители поехали со Светой и Сергеем на фотосессию. Я же вызвалась проконтролировать банкет, рассадить по местам гостей и встретить молодых у дверей роскошного ресторана. Судя по тому, как она на меня посматривала, мама начала что-то подозревать, однако в суматохе на расспросы у неё не было времени, и я надеялась, что к концу вечера она о них забудет.

Спустя некоторое время, когда виновники торжества разместились за своим столом, тосты были произнесены, а конкурсы, которые подготовил ведущий, — проведены, первый танец молодых задал праздничное настроение, и все переместились на танцпол. Я продолжала старательно избегать Сергея, а поскольку он постоянно крутился возле своей новоиспеченной жены, то и сестру.

Окольцованный жених явно заметил моё нежелание находиться с ним в одном помещении, и по тому, как часто оглядывался, ища меня глазами в толпе, и поджимал губы, когда обнаруживал, я сделала вывод, что его это злило. Но отвлекаться Сергей не был не вправе, ведь рядом с ним была моя сестра, требующая внимания.

По чистой случайности мы встретились у стола с напитками: я, мама и Света. Я подошла, чтобы взять себе очередной бокал шампанского (уже не помня, какой по счёту). Света же пришла за соком. Они что-то бурно обсуждали с мамой, но, заметив меня, резко замолкли.

— Ты в порядке? — обратилась ко мне сестра. Я кивнула, делая глоток игристого, ни на ком не сосредотачивая взгляд. Света с сожалением вздохнула: — Ой, сестренка, как я тебе завидую. Мне даже шампусиком побаловаться нельзя.

— Не волнуйся, я выпью за нас обеих, — подмигнув, я отсалютовала бокалом.

Мама посмотрела на меня осуждающе:

— Милая...

В ответ я усмехнулась:

— Шучу, — и в подтверждении своих слов отставила бокал. — Извините, я отлучусь, — и быстрым шагом направилась в сторону уборной.

Не думала я, что будет так тяжело наблюдать за массовым весельем.

Голова немного кружилась от выпитого алкоголя. Я умы-

лась холодной водой, чтобы освежиться. Безжалостно смыв макияж, вернулась в банкетный зал и встала подальше от танцующих гостей, облокотившись поясницей о стол с напитками. Сложив руки на груди, устало прикрыла веки. Громкая музыка отдавалась басами в ушах, и в какой-то момент я будто погрузилась в транс. Из которого меня вывел бодрый мужской голос. Незнакомый.

— Привет, — я вздрогнула, открыла глаза и повернулась к возмутителю моего спокойствия. Им оказался друг Сергея, которого он пригласил на свадьбу в качестве свидетеля. — Меня Антон зовут, — он протянул мне руку.

— Алина, — пожала ладонь из вежливости. Говорить с кем-то, если честно, не хотелось.

— Приятно познакомиться.

— Взаимно, — кивнула я и демонстративно отвернулась, показывая, что лимит учтивости исчерпан и развивать диалог я не намерена. Но парень оказался настойчивым. Полагаю, под влиянием спиртного.

— Может, потанцуем? Я заметил, что ты весь вечер одна.

Поняв, что просто так он не отвяжется, я открыла было рот, чтобы согласиться, но мне помешал неожиданно раздавшийся над ухом голос Сергея.

— Антон, вот ты где! — нарочито громко воскликнул он.

— Идём, я хочу познакомить тебя поближе со Светой.

Я отшатнулась, едва не подвернув ногу. Хотя тон Сергея был приветлив до зубовного скрежета, я слишком хорошо

его знала, чтобы быть уверенной: он в ярости.

— Серый, давай потом? Ты же видишь: я тут с девушкой, занят. Твоя прекрасная жена никуда не денется.

— Ничего, — поспешила вставить я, заметив, как опасно заиграли желваки на скулах Сергея. — Извини, Антон, я не в состоянии сейчас танцевать, — и, развернувшись, буквально убежала прочь.

Кровь кипела от злости. Сергей сегодня женился на моей сестре и с какой-то стати считает, что имеет право ревновать меня к другому. Не имеет.

Я подошла к бару и попросила налить мне martini. В течение следующих пятнадцати минут я методично опустошала стопку за стопкой — до тех пор, пока на место гнева не пришла долгожданная пустота. Лишь тогда я со стуком вернула шот на отполированную поверхность барной стойки. У меня была одна особенность: сколько бы я ни выпила, по моему внешнему виду невозможно определить степень опьянения. Это свойство досталось мне от папы. Правда, он ещё и не пьянеет, сохраняя ясность сознания при любом раскладе и концентрации горячительного в организме, чего нельзя сказать обо мне. На меня алкоголь действует так же, как на большинство людей.

Я села за общий стол, чтобы заесть горечь выпивки фруктами. Мне действительно стало легче. Или это временное ощущение?..

— Милая, — на соседний стул внезапно опустилась мама.

Я чуть не подавилась виноградкой — так глубоко ушла в собственные мысли. — Всё нормально? Ты какая-то странная в последнее время: задумчивая, молчаливая. Что-то случилось?

— Ничего, мам, — соврала я, тяжело вздыхая. — Просто немного устала. Вся эта подготовка, нервы, волнения... Завтра пройдёт.

— Надеюсь, хотя очень сомневаюсь, — проницательно проговорила она.

Я едва сдержала маску невозмутимости на лице. От моей мамы сложно что-то скрыть. Она читает человека как раскрытую книгу, видит его насквозь. И порой её способности меня пугают.

— Знаешь, мам, я что-то плохо себя чувствую. Видимо, из-за дождя, — впервые за вечер посмотрела на неё открыто и прямо.

Женщина, подарившая мне жизнь, сегодня отдала предпочтение белоснежной блузе и классическому костюму насыщенного синего цвета. Блондинистая шевелюра матери была собрана в строгую причёску, но выглядела она нарядно. Тревога на дне её глаз всколыхнула в душе чувство вины, которое я тут же отогнала. Будь мама на моём месте, она бы меня поняла.

— Я, наверно, вызову такси и поеду домой, — поднялась, стараясь не пошатнуться. И вроде у меня получилось, но я не приукрашивала, когда говорила, что маму не провести.

Она встала вместе со мной.

— Давай лучше отец тебя отвезёт? — В ответ я протестующе мотнула головой, но мама продолжила удерживать меня за локоть. — Тогда хотя бы в такси тебя посажу.

— Мам, — теперь настал мой черёд глядеть на неё с укоризной. — Я взрослая девочка. Мне двадцать лет уже, не пять. Что со мной может случиться? Тем более не ночь ещё, не волнуйся. Я просто хочу побыть одна. Подышу на улице воздухом, пока машина не подъедет. Если мы обе уйдём или ты папу позовёшь, Света будет волноваться. А оно нам надо?

— Ну ладно, — всё-таки сдалась мама. Против моих железобетонных доводов аргументов у неё не нашлось.

Я подхватила свою сумку, чмокнула родительницу в щёку и направилась к выходу. Ливень закончился, но было на удивление тепло, что и подтолкнуло меня к решению немного прогуляться.

Мне действительно нужно было проветриться. На улице почти не было людей. Пятничный вечер, да и дождь только перестал идти — все либо дома сидят, либо отдыхают где-то. Плотные тучи создавали обманчивое впечатление глубокой ночи, в лужах отражался свет фонарей. Тишина, несвойственная большому городу, успокаивала.

И мне вдруг стало очень весело. Сняв босоножки на высоком каблуке, от многочасовой ходьбы на которых затекли ступни, я рассмеялась и побрела по лужам вдоль дороги, размахивая туфлями в воздухе. Ноги сами понесли меня к

Эрмитажному мосту, однако в последний момент я свернула на Дворцовый. Я шла неторопливо, наслаждаясь речным бризом. Машин было мало, и я могла насладиться одиночеством и спокойствием. Остановилась на разводном пролёте, поставила туфли на землю и, подойдя к парапету, опустила взгляд на Неву.

Интересно, если прыгнуть здесь, куда течение отнесёт? К каналу «Зимняя канавка»?..

Я встала на нижний ярус перильного ограждения, опёрлась о парапет ладонями. Ветер развевал распущенные волосы, и я прикрыла глаза, ощущая блаженство. На мгновение забылась, хотела привстать на носочки, но неожиданно меня повело в сторону. Нога соскользнула с влажного металла; потеряв равновесие, я покачнулась, едва не упав в воду, как вдруг поперёк талии, перехватывая, легла чья-то рука, буквально сдёргивая меня с ограждения. Я вскрикнула от пронзившего тело страха, и это было последнее, что я запомнила.

Меня поглотила тьма...

Глава 6.

Я перевернулась на бок, буквально утопая в мягкой перине. До сонного мозга не сразу дошло, что на моей кровати такой нет. Совершенно обыденным жестом я обняла мягкую подушку, зарываясь в неё лицом. Пару минут лежала без движения, а потом меня пронзило осознанием: я не дома! А где тогда? Резко распахнула ресницы и рывком села на постели. О чём тут же пожалела.

— Ой-ой, — я зажмурилась, схватившись за виски. Черепную коробку разрывало от боли, как будто кто-то пускал внутри фейерверки.

Но самое главное — я не понимала, что происходит. Во рту было сухо, как в пустыне Сахара, а в памяти расплывались какие-то невнятные обрывки прошлого вечера. Свадьба. Сергей и его друг Антон. Мартини, мои сборы домой... И всё. Пустота. Чистый лист. Последующие события словно стёрлись мистическим образом.

«Пить меньше надо», — гаденько хихикнул внутренний голос. Я, естественно, послала его подальше — и без того тошно. Но в чём-то он, конечно, был прав. Пожалуй, вчера я впервые так сильно напилась. Хотя, с другой стороны, и повод был: свадьба любимой сестры.

Я со стоном рухнула обратно, накрывшись одеялом с головой. И в очередной раз убедилась, что не дома. Постель-

ное бельё приятно пахло лавандой, да и подушка явно была больше, чем та, к которой я привыкла. Приоткрыла глаза и с опаской подняла край одеяла, выглядывая наружу. Опять села, откинув одеяло. И тут узнала обстановку!

Я находилась в номере отеля «Ренессанс». Достаточно популярный, кстати, отель, а его номера ни с чем невозможно спутать. Как по щелчку, вернулись воспоминания. Вместо того, чтобы поехать домой, я отправилась на Дворцовый мост и чуть было не сорвалась с него!

— Бог ты мой! — воскликнула я и поморщилась — голову прострелило болью. — Ужас-то какой, а!

В целом, для паники была вполне ясная причина: сквозь приоткрытые шторы виднелось окно, рядом с которым и стояла кровать, так что я прекрасно видела, что сейчас если не день, то позднее утро. А я не дома! Мама наверняка весь город на уши поставила!

Я вскочила на ноги. В номере я была одна, так что понятия не имела, кого благодарить за спасение от участи быть утопленной. Спала я в том же самом платье, что меня искренне порадовало и из чего я заключила, что мне повезло наткнуться на порядочного человека. Туфли мои стояли у кровати, а сумка лежала на широком подоконнике, около бутылки с водой и упаковки аспирина.

Мысленно расцеловав пока неизвестного мне благодетеля, я открыла бутылку и залпом осушила половину, после чего закинула в рот таблетку, запив её водой. Присела на край

постели, дрожащими руками вытаскивая из сумки телефон. Мобильный почти разрядился, но ещё работал. Сделав глубокий вдох, я со страхом покосилась на экран. Моргнула пару раз удивлённо, заметив всего один пропущенный от мамы в двенадцатом часу ночи. Довольно странно, учитывая то, что мама у меня очень заботливая. Сколько бы лет ни было мне и Свете, она всегда тревожится за нас по любому поводу. Без фанатизма, конечно, но иногда подобная опека тяготит. И тут вдруг такое: дочь не ночевала дома, а она не названивает безостановочно. Крайне нетипичное поведение.

Я вздохнула, прокашлялась, чтобы не хрипеть в трубку, как заправский алкаш, и набрала мамин номер. Она взяла трубку спустя пять гудков.

— Привет, солнышко! — поприветствовала меня родительница. Я тут же отметила, как ласково она произнесла последнее слово. Такую приторность её голос приобретает исключительно в присутствии гостей или посторонних. — Ты дома? — А этот вопрос расставил всё на свои места. Ну, не всё, но тон матери стал понятен. И я с готовностью под него подстроилась:

— Привет, мам. Да, дома. Только проснулась, а никого нет. Вы где? — Ткнула пальцем в небо. Хотя бы я не прогадала!

— Мы у тёти Лены.

Фух, слава богу, не промахнулась. Тётя Лена — сестра моего папы. Мама с ней никогда не ладила, поэтому виделись

они крайне редко, пусть и жили в одном городе.

— Она вчера пригласила нас в гости, и папа не смог отказать, — раздражённо продолжила мама. Видно, зашла в другую комнату, чтобы поговорить со мной без лишних ушей. — Я бы не поехала, но ты же знаешь своего отца.

— Знаю, — стараясь не выдать облегчения, выдохнула я, физически ощущая, как падает камень с души. — Как там тётя?

— Ай, как обычно! — Я чётко представила, как мама нахмурилась, махнув рукой. — Я звонила тебе ночью, хотела предупредить, что мы у неё останемся. Ты уже спала?

— Да, прости, забыла написать тебе, что добралась.

— Я так и поняла, — понимающе усмехнулась мама.

— Когда домой собираетесь? — спросила я невзначай. Мне нужно было знать, сколько у меня в запасе времени, чтобы попасть туда до приезда родителей.

— Завтра, — горестный вздох донёсся из динамика, вырвав из меня смешок. — Ты там без нас не соскучишься?

— Мам, тебе давно пора наладить отношения с тётей, — намекнула я поспешно, раскусив хитрый манёвр: мама ищет повод, чтобы избавиться от общества тетки, и намеревается выставить предлогом мою «скуку». — А со мной всё будет хорошо. Наберу себе ванну, заварю чай, посмотрю фильм. В общем, отдохну от вас, — мы с мамой засмеялись. Не так уж я от них и устаю. Зато шутка подействовала как надо.

— Ладно, если что, звони.

— Угу, — покладисто согласилась я и быстро попрощалась.

— Обошлось, — произнесла вслух, хотя была решена лишь часть проблемы. Ведь я до сих пор не знала, как оказалась здесь. И, что более страшно, абсолютно ничего не помнила после того, как отключилась на мосту.

Глава 7.

Главное, чтобы моя глупость не вылилась в неприятности. Видимо, об этой беде предупреждала меня интуиция. Как жаль, что я к ней не прислушалась. Можно, конечно, свалить вину на нетрезвость, но я ведь сама совсем недавно убеждённо заявляла, что состояние алкогольного опьянения не является беспомощным. И что в итоге? Повела себя как неопытная девочка. Заливать горе спиртным в моём возрасте — нонсенс, а идти на мост одной, напившись в хлам, — тем более!

Королевский номер упрямо не давал мне покоя. Очевидно, подобрал меня человек состоятельный. Почему тогда привёз именно в отель? Неясно. Понятно, что узнать у бессознательной меня адрес моего жилища было невозможно, и к себе домой везти незнакомого человека не каждый захочет. Но можно же было выбрать гостиницу поскромнее. Особенно ради пьяной девушки, которую видишь впервые в жизни. Ох, не нравится мне это.

Размышляя о таинственном спасителе и мотивах его поступка, я поднялась, собираясь отправиться на ресепшен и наконец, развеять все свои тревоги и сомнения. Но не успела сделать и двух шагов, как в дверь постучались.

— Да-да, — отозвалась я, судорожно поправляя мятое платье и наверняка взлохмаченные после сна волосы. Боюсь

вообразить, как дико я выгляжу.

Дверь мягко отворилась, и на пороге появилась молоденькая горничная, катя перед собой сервировочный столик на колёсиках.

— Вы уже проснулись? Доброе утро! — защebetала девица, и я едва не поморщилась от громкости её голоса, поймав новую волну чудовищной боли.

— Доброе, — вымученно улыбнувшись, попыталась сформулировать вопрос так, чтобы не стать объектом ненужных слухов. Однако девушка меня опередила:

— Вы пока позавтракайте. Александр Тимофеевич подъедет через полчаса, — оу, всё интереснее и интереснее. Никакого Александра Тимофеевича я не знала. И у девушки про него спросить не могла — надумает невесть что. Не буду рисковать. — Вам ещё что-нибудь нужно?

— Нет-нет, спасибо, — немного грубо оборвала чересчур инициативную работницу. Лишь бы оставила меня наконец в покое.

Всё-таки похмелье — штука лютая. Никогда больше пить не буду. Клянусь! По крайней мере, в таких количествах. Чтобы, упаси боже, опять в какую-нибудь передрагу не влипнуть.

— Я постель заправляю? Вы не возражаете? — не сдавалась тем временем горничная, в упор не желая замечать невербальные знаки немедленно убратсья из номера.

Я молча развернулась, махнув ей, мол, делай что хочешь,

и зашла в ванну, закрыв дверь на замок. Подошла к раковине и устоялась в зеркало. Стоило отметить: по внешнему виду и не скажешь, что я безбожно напилась минувшим вечером. Платье, конечно, выглядит пожеванным, вчерашние локоны растрепались и спутались, образовав на голове птичье гнездо, но лицо вполне свежее, даже бодренькое. Глаза, правда, чуть-чуть покрасневшие.

Вздохнула, умылась холодной водой, почистила зубы, причесалась расческой, которая всегда была у меня в сумке (на всякий случай), и кое-как руками пригладила платье. Так-то лучше. Волосы у меня от природы вьющиеся, поэтому каждое утро мне приходилось их выпрямлять. А сейчас они вообще были как никогда кудрявыми, накрутившись по самое не хочу, — влажный после дождя воздух сделал своё дело. Я напоминала пуделя, но исправить этот казус не имела возможности. Только слегка смочить кудряшки, чтобы хоть как-то их усмирить. Как бы я с ними ни боролась, всё было впустую. И в кого я пошла непокорной шевелюрой, так и остаётся вопросом без ответа: у родителей волосы прямые, у Светки тоже, чему я завидую белой завистью. В бабушку, что ли?..

Когда я вышла из ванной, постель была аккуратно заправлена, а девушки в комнате не наблюдалось. У кровати стоял столик с кофейником и чайной парой на одну персону, рядом на тарелочке приютились два тоста и подставка с тремя маленькими баночками ягодного джема. Посередине сто-

ла под металлическим пищевым куполом скрывалось блюдо на посуде побольше. Из чистого любопытства я подняла крышку. Под клошем оказалась яичница с беконом и овощной салатик. Оформление — высший класс, а запахи-то какие умопомрачительные! Мой желудок тут же призывно заурчал. Плюнув на приличия, я философски решила последовать совету из анекдота: «Когда в постель приносят кофе, возьми его и молча пей. Не нужно спрашивать: «А кто вы? И что вы делаете здесь?»»

Вот и я не буду задаваться бессмысленными вопросами. Спокойно позавтракаю, дожидаясь загадочного Александра Тимофеевича. Хотя могла бы уйти. По-английски, так сказать. Но с моей стороны было бы невежливо пускаться наутёк — как-никак, мужчина поступил по-человечески, проявил сострадание. А я у мамы девочка воспитанная. К тому же где гарантии, что меня не притормозят у выхода? Вдруг у персонала есть распоряжение меня не выпускать? Тогда будет неловко, если моему спасителю доложат о том, что я пыталась сбежать, даже не поблагодарив. Лучше не дёргаться и поговорить с самим Александром тет-а-тет. Надо набраться терпения и не накручивать себя зря. Прорвёмся. И не с такими проблемами справлялись.

Глава 8.

С завтраком было покончено, но Александр Тимофеевич так и не появился. Я выпросила у горничной провод для зарядки мобильного телефона, когда она пришла в номер, чтобы забрать сервировочный столик с грязной посудой. Должно быть, девушка подумала, что я обнаглела. Но отказать не посмела. На самом деле я бы никогда не обратилась к ней с такой просьбой, если бы не боялась, что телефон вдруг сядет, а мне будут звонить родители. Второй раз удача вряд ли повернётся ко мне лицом, а значит, увильнуть не получится. Более того, поскольку мама что-то стала подозревать ещё вчера, то и продолжать скрывать правду не выйдет. А того, что кто-то вдруг узнает мой секрет, я боялась больше всего.

Но в то же время к чему теперь раскрывать маме гадкую натуру Сергея, если он уже женился на Свете, которая, ко всему прочему, любит его и носит под сердцем его ребёнка? Не хочется быть той, кто посеет смуту в их семье. Что случилось, то случилось. Главное, что свадьба осталась позади, а следовательно, видеться с Сергеем часто мне не придётся. По крайней мере, я приложу максимум усилий ради этого. Надеюсь, что мне станет легче. Да, меня предали, обманули, но жизнь-то клином на Сергее не сошлась, верно?

Увязнув в размышлениях, я вздрогнула от разорвавшего одинокую тишину стука в дверь. Постучались громко —

без мнимой осторожности, в отличие от той же горничной. Я вскочила на ноги, тело звенело натянутой струной. Дверь распахнулась, и на пороге возник мужчина.

Представительный, в тёмном костюме без галстука. Явно старше моего отца. Мужчине было навскидку лет шестьдесят-шестьдесят пять. А может, я ошибалась, и такое впечатление складывалось из-за седины в висках. Узкие прямоугольные очки в тонкой оправе придавали ему строгости. Квадратной формы лицо, будто грубо и наспех высеченное из камня неумелым скульптором, внушало трепет. Мощный подбородок украшала небольшая щетина.

Мужчина выглядел внушительно и определённо не брезговал посещением спортзала. Взгляд пронзительных голубых очей отличался цепкостью, словно смотрел в самую душу. Точнее, так мне почудилось, потому что мужчина был хмур. Но когда наши глаза встретились, он неожиданно улыбнулся, мигом перестав казаться пугающим и став весьма дружелюбным. Это была не та учтивая, но мёртвая и ненастоящая улыбка, которой улыбался, к примеру, мой отец. У незнакомца улыбка была заразной — я сама не поняла, как уголки губ непроизвольно дрогнули в ответ. Я даже расслабилась, если честно. В душе поселилась твёрдая уверенность в том, что он меня точно не обидит. Наоборот, защитит и поможет. Не просто так говорят, что улыбка меняет человека. Его меняла кардинально. Правда, я не могла на сто процентов утверждать, что мужчина не притворялся и был

реальным, а не нацепил образ «для прессы», как его именует папа.

— Привет. Как самочувствие? — голос у него был успокаивающим, тихим, с какой-то вкрадчивой хрипотцой.

— Здравствуйте. Бывало лучше. Спасибо вам, что помогли мне вчера. Не знаю, как так получилось, — зачастила я. — Сколько я должна вам за номер и завтрак? Я всё верну, — решила с ходу обозначить.

— Ой, не торопись ты с этим, — отмахнувшись, мужчина указал мне на кровать: — Присядь, — а сам расположился в кресле напротив. Мне не оставалось ничего, кроме как тоже сесть. — Зовут-то тебя как, Русалка?

— Алина, — машинально ответила я.

— А я Лерман Александр Тимофеевич.

Лерман, хм. Я слышала его фамилию в новостях. Бизнесмен, который трижды выигрывал государственные тендеры по крупномасштабным проектам. Чуть было не присвистнула, потому что нам с ним вряд ли бы удалось встретиться при других обстоятельствах. Но тут же нахмурилась и спросила:

— А почему русалка?

— Потому что, Алиночка, не каждый человек решится с моста сигануть. Только русалка, — тоном учителя произнёс он.

Господи, он подумал, что я...

— Нет, я не... Вы не... — покраснев до кончиков ушей, бессвязно забормотала я.

Чёрт, как объяснить, как всё обстояло на самом деле, не выглядя полной дурой?..

— Я не собиралась прыгать. Просто нога случайно соскользнула.

— А зачем ты туда полезла-то? — приподнял брови Лерман.

Я была готова провалиться под землю от стыда.

— Не знаю, — пробормотала, пожав плечами, и добавила тише: — Захотелось. Я была не совсем трезвой.

— Ну, это я понял. А лет тебе сколько?

— У девушек некрасиво спрашивать про возраст, — я насупилась, сложив руки на груди: Александр Тимофеевич смотрел на меня, как на неразумное дитяtko. Естественно, было не особо приятно представлять несмышлёным ребёнком в глазах взрослого мужчины. Да, мои действия были безрас-судны, но кто он такой, чтобы меня пристыжать? Причём не словами даже, а снисходительным взглядом. Вот я и решила повредничать немного. Опять по-детски, но во мне говорило задетое самолюбие.

Глава 9.

Александр Тимофеевич фыркнул.

— Не хочешь говорить — ладно, я угадаю сам, — мужчина поправил указательным пальцем очки на переносице и хитро прищурился: — Семнадцать?

— Двадцать вообще-то, но вы правы: поступила я глупо, — посерьёзнела я. — Это будет хорошим уроком для меня. Впредь буду осторожнее.

— Сомневаюсь, — усмехнулся он, а я замерла как кролик перед удавом. — За годы жизни я научился неплохо разбираться в людях, Алина, — назидательно изрёк он.

И я в его словах не сомневалась. Тем, кто крутится в бизнесе, так или иначе приходится взаимодействовать с людьми, а не умея их читать, невозможно добиться таких высот, каких достиг Лерман.

— И что же вы видите во мне? — задержав дыхание, осведомилась я. С одной стороны, мне было интересно, а с другой — страшно. Что, если Александр Тимофеевич увидит то, с чем я никогда не смогу смириться?

— Печаль, несвойственную девушке двадцати лет, — без тени улыбки произнёс он. Вздвогнув, я сцепила лежащие на коленях ладони и опустила взор, не в силах выдерживать зрительный контакт с сидевшим напротив мужчиной. Так испытующе на меня, наверно, никогда не смотрели. — Или

я не прав?

— Правы, — признала чуть слышно, приняв простую истину: ложь он распознает на раз. Да я и не видела причин врать. Ведь он выручил меня: не оставил на том мосту, не воспользовался моим бессознательным состоянием, прости Господи. Он заслужил искренность. Однако я не обязана говорить чистую правду. Оставляю при себе хотя бы её часть. — Но это не относится к тому, что произошло на мосту.

— А мне кажется, как раз к мосту это имеет прямое отношение, — возразил Лерман с непоколебимой уверенностью.

Я подняла голову. Меня не покидало ощущение, что ему всё известно, будто бизнесмен видит меня насквозь. Не особо приятное чувство.

— Может, связано с каким-то болезненным воспоминанием? Или со свежим событием в твоей жизни? А так как в твоём сознании оно ещё свежо, затуманенный алкоголем разум повёл тебя в место, где ты приобретаешь спокойствие. Верно?

— Откуда вы знаете? — вырвалось против воли. Голос дрожал от эмоций.

— Я вижу, Алина. Увидел ещё вчера, когда проезжал мимо. Ты сама словно была речной волной — умиротворённой, пока не дует ветер. Казалось, что ты слилась с вольной стихией воедино. И точно не без причины залезла на перила. Давай будем честны: ты желала этого. Желала ощутить безграничную свободу, освободиться от всего, что тебя тяготит и

тянет вниз. — Невероятно, но, не прикладывая особых усилий, он обнажил все мои тайные мысли, чувства, что я испытывала в тот момент. — И твоему поведению должно быть адекватное объяснение, так?

— Конечно, — криво ухмыльнувшись, перестала отнекиваться я. Нет больше резона отрицать.

Я будто находилась на приеме у психолога. Не исключено, что именно поговорить мне было необходимо. Просто поговорить по душам. Ведь если бы я действительно хотела, давно бы встала и покинула номер. Александр Тимофеевич сам проявил инициативу и начал разговор на болезненную для меня тему, а я, по сути, ничем ему не обязана. Удерживать меня здесь Лерман не вправе — могу уйти в любую минуту. Но не уйду.

— Расскажи мне, что случилось, — прозвучало мягко. Не как требование, а как предложение.

Мне давали выбор. И я всё ещё немного колебалась. Быть откровенной до конца?..

Тут Александр Тимофеевич подтолкнул меня к правильному решению, вновь заговорив:

— Алина, я не берусь настаивать, но мне кажется, что тебя что-то очень сильно гнетёт. Оно сжигает, пожирает тебя изнутри, причиняя страдания. Ты молода, красива — а в глазах отражается целая жизнь. Я чувствую, что ты прячешь какую-то боль, которой не можешь ни с кем поделиться. Не знаю почему, но я уверен. Так нельзя, ты должна её выплес-

нуть, рассказать — пусть не мне, а родителям, друзьям. Да кому угодно. Но не держи её в себе.

А ведь он прав. Чертовски прав! Мне больно, и я ни с кем не могу разделить свою боль. С родителями понятно, а с друзьями... Настоящих друзей у меня никогда не было. Все, с кем я когда-либо общалась, пользовались мной. Я была нужна, пока приносила пользу. Иногда из-за связей отца, иногда из-за его денег. Но никогда во мне не видели... меня. Алину — простую девушку, без высокого статуса и крутых возможностей. А нечаянный очевидец моего безрассудства видел. Да, я могла бы возразить, сказав, что он понятия не имеет, что я — дочь влиятельного бизнесмена, но он не оставил меня в беде, не позволил упасть в воду, протянул руку помощи, не зная, кто я. Он просто поступил так, как поступил бы любой равнодушный человек. В конечном итоге я решила ему раскрыться.

Как советуют психотерапевты? Выговорись — и станет легче? Что ж, проверим...

— Вы угадали. Мне и правда некому излить душу, — поморгав, чтобы сдержать слёзы, тихо просипела я. Мужчина ободряюще, по-отечески улыбнулся мне и кивнул, подстёгивая продолжать. И мне вдруг стало проще начать свой рассказ.

Визуализация.

Со дня свадьбы Светы и Сергея:

Света:

Алина

Александр Тимофеевич

*Как они вам?))) У Лермана и вправду такой взгляд,
прямо в душу смотрит!))
Спасибо большое за чудес-
ные визуалы моей подруге Diana S. Alex♥#*

Глава 10.

— В начале января, в разгар сессии, я очень много занималась, — душой я была далеко. — Дома было нереально сосредоточиться, поэтому часто засиживалась допоздна в библиотеке либо в каком-нибудь кафе. И в один из вечеров я совсем потеряла счёт времени. Родители понимали, что последний курс самый сложный, и старались не беспокоить лишний раз. Не звонили, чтобы не отвлекать. На улице уже стемнело, когда я закончила. В спешке собрала свои конспекты и доклады и выбежала на улицу, на ходу застёгивая пуховик. Замок заело, пока я возилась с ним, не смотрела по сторонам — и в итоге с размаху в кого-то врезалась. Он разговаривал по телефону и тоже торопился — вот мы и столкнулись, — я прикрыла веки, с ностальгией вспоминая тот вечер. — На улице был лютый мороз, и гололёд сыграл со мной злую шутку: я поскользнулась и выронила все тетрадки, пытаюсь удержать равновесие. Не глядя на парня и даже не извинившись перед ним, я принялась судорожно собирать разбросанные листы. Они быстро намокали от подтаявшего снега, и я ругалась как сапожник. Мне было до слёз обидно и жалко свои труды... В какой-то момент парень, с которым я столкнулась, Сергей, присел на корточки и начал мне помогать, сказав собеседнику, что перезвонит позже. Я слышала его краем уха, потому что чернила на бумаге стали расплы-

ваться и в висках застучало от паники. Боже, я тогда проклинала снег на чём свет стоит, — грустно усмехнувшись, прикусила нижнюю губу.

Вроде познакомились мы не так давно, а кажется, что вечность прошла с тех пор...

Я глубоко вздохнула, собираясь с силами.

— Дальше события развивались банально, как по сценарию дешёвого кино: наши руки соприкоснулись, когда мы одновременно потянулись к последней тетради, глаза встретились — и окружающее для меня потеряло смысл, я утонула в его синих, как море, очах. Это было похоже на любовь с первого взгляда, между нами словно пробежала искра, — я всхлипнула — последняя фраза резала по живому.

Внимательно слушавший мою исповедь Александр Тимофеевич тут же подал мне бутылку с оставшейся водой. Лишь отвинтив крышку, я осознала, насколько сильно у меня пересохло в горле.

— Ты можешь не рассказывать, если тяжело, — предложил мужчина.

— Всё хорошо, — я кивнула с благодарностью, уловив в его тоне поддержку, в которой так нуждалась. Уставилась на бутылку, чтобы на чём-то сконцентрироваться. — Сергей помог мне подняться и отряхнуть одежду от снега. Я очень сильно расстроилась, так как понимала, что многочисленные записи, над которыми я корпела не один день, безнадежно испорчены и придётся писать по новой. Но Сергей меня

удивил. Схватив за руку, он молча повёл меня куда-то. Как выяснилось впоследствии, он жил неподалёку. Сергей пригласил меня к себе, и мы вместе высушили тетради феном, представляете? Я не верила в то, что из этого выйдет что-то путное, но метод оказался действенным. Моё отчаяние испарилось само собой. После Сергей напоил меня чаем, и у нас завязался разговор. Мы легко нашли общий язык и даже обменялись номерами телефонов. Он вызвал для меня такси... Так началось наше общение. Сначала мы просто переписывались, затем постепенно сблизились и стали встречаться. А потом настало время очередных экзаменов. Сергей сидел со мной, поддерживал. Когда я проходила преддипломную практику в компании отца и параллельно писала диплом, мы стали видеться реже. Потом я успешно защитилась, получила диплом, и всё вернулось на круги своя, — руки начали мелко подрагивать; я поставила бутылку на подоконник и сцепила их в замок.

— А в один из дней Сергей пригласил меня на свидание, на котором сделал мне предложение. Я согласилась, ведь искренне хотела выйти замуж за того, кого люблю. И действительно была счастлива. Но вскоре белая полоса в моей жизни сменилась чёрной... — я перевела взгляд за окно. Погода сегодня была удивительно прекрасной: всюду светило солнце. Насмехается надо мной или намекает на скорые перемены?..

— Недавно я узнала, что Сергей надел помолвочное кольцо на палец не мне одной. И вторая невеста моего жениха

беременна, — вонзив ногти в ладони, я посмотрела в глаза Александру Тимофеевичу и открылась ему полностью: — Вчера Сергей женился на моей старшей сестре. — По телу прокатилась ледяная дрожь, с ресниц сорвались жгучие слёзы.

Александр Тимофеевич неожиданно поднялся, сел со мной рядом и крепко прижал к своей груди, обнимая. И я не выдержала... Заревела: отчаянно, навзрыд, как того требовала израненная душа. Вцепилась в мужчину, как в спасательный круг, выпуская всю горечь со слезами.

— Мой любимый женился на моей сестре, которая ждёт от него ребенка, а я даже сказать об этом не могу никому. Не могу поплакать на плече отца, не могу рассказать маме о том, как страдаю, — я прижималась к мужчине и плакала, пока мне не стало легче. Как верно он подметил: пока держишь боль внутри, она сжигает...

Глава 11.

— Бедное дитя, — Лерман успокаивающе гладил меня по спине, укачивая, как маленького ребенка. Возмутиться даже не подумала — мне правда полегчало. Мне не хватало обыкновенной заботы и понимания. Даже ноющее чувство в груди немного притупилось оттого, что я теперь не одна ношу эту тайну... — Ну-ну, милая, не плачь, всё наладится, — негромко утешал Александр.

— Хотелось бы верить, — я отстранилась, вытирая мокрые дорожки со щёк.

— Давай-ка выйдем на террасу, подышим, — промолвил мужчина. Я согласно кивнула — проветриться не помешает.

Александр Тимофеевич пропустил меня вперед. К счастью, на террасе было безлюдно, и я расслабилась. Не хотелось бы, чтобы кто-то ещё стал свидетелем моей слабости. У меня и так руки дрожали, и глаза, готова поспорить, были воспалены.

Я подошла к перилам, оперлась на них, устремив взор на Исаакиевский собор, и прикрыла веки, подставляя лицо тёплым солнечным лучам и слабому ветерку. Вдохнула полной грудью, приходя в себя окончательно.

— Послушай, Алина, может, сейчас тебе и кажется, что всё кончено, но поверь: твоё будущее ещё пишется. И в нём будет много светлого. Может, то, что я скажу, тебе не понра-

вится, но такова жизнь. Она посылает нам испытания, с которыми мы либо справляемся, либо нет. Ты не думала, что Сергей лишь твоя проверка на прочность, этап, а не конечный пункт? — задал он философский вопрос. Я промолчала, задумавшись. Если честно, я так была погружена в свои сердечные переживания, что под таким углом ситуацию даже не рассматривала. Новый знакомый же добавил: — Жизнь — штука очень сложная и порой преподносит жестокие сюрпризы. Ставит подножки, используя самых дорогих людей, пинает так, что ты не способен устоять. Тут главное — подняться с колен, понимаешь?

— Понимаю, — я едва уловимо улыбнулась. Мудрый человек обязательно найдёт правильные слова, чтобы направить, подбодрить и вселить надежду на лучшее. — Вы так убеждённо об этом говорите. Личный опыт?

Покачав головой, Лерман встал рядом, уложив руки на перила.

— С опытом приходит многое, милая, — со знанием вымолвил он. И у меня возникло стойкое ощущение, что он тоже пережил нечто подобное. — Твои раны затянутся со временем — просто нужно запастись терпением. Говорят, что любовь прощает всё. Но есть такие ошибки, которые простить невозможно. Например, измена. Впрочем, её и ошибкой не назовёшь. Измена — осознанный выбор каждого. Настоящую любовь ты ещё встретишь. Её ни с чем не спутаешь.

— То есть вы считаете, что если есть любовь, то нет места

измене? — я повернулась, чтобы пересечься взглядами. Но он не смотрел на меня, задумчиво взирая на небо.

— Скажи мне сама. Будучи в отношениях с Сергеем, ты хоть раз думала о другом парне?

— Нет, — голос мой слегка дрогнул. Сергей говорил, что любит меня, но...

— Вот видишь. Любящий не предаст, — резонно подытожил Лерман.

Я рассеянно кивнула, внезапно прозрев. Сергей не любил меня, а я его любила. Поэтому мне так обидно, больно и мучительно. Ведь я до сих пор люблю. Понимаю, что не могу быть с ним. И понимаю, что не прощу. Никогда.

— Любовь, которую даришь ты, нужно заслужить. А Сергей её не достоин. Присмотри того самого, достойного тебя мужчину, готового горы ради тебя свернуть, но не торопись, пытайся утереть ему нос. Прощупай, прежде чем довериться. Помни, что от твоих действий зависит твоё будущее. Но и жить не забывай — не действуй себе в убыток. В том, что произошло, ты не виновата, — по слогам втолковывал Александр Тимофеевич. От переживаний язык вновь прилип к нёбу — я никак не отреагировала. — И не надо заглушать свою боль алкоголем, дочка — минутная эйфория не стоит того вреда, что он приносит. Лучше поищи какое-нибудь занятие по душе, которое поможет отвлечься и будет доставлять удовольствие. Работу найди — в конце концов, от неё гораздо больше пользы.

— Работу? — из меня непроизвольно вырвался смешок, хотя я была согласна — мне и вправду нужно вытеснить негатив чем-то позитивным. — Как раз с ней у меня сложности. В фирму отца я не хочу устраиваться — ясное дело, что там ко мне будут относиться предвзято: якобы попала по благу. А на мое образование коллективу будет плевать, — недовольно поморщилась.

Плавали — знаем: практику я с трудом закончила. Нет, можно, конечно, попробовать напроситься в контору несостоявшегося свёкра. Но даже если меня возьмут, боюсь представить, как «дружелюбно» меня там встретят.

— А другое место за один день найти нереально — без опыта никуда не берут. Или берут, но неохотно, что тоже не есть хорошо, — безрадостно заключила я.

— Да, тут ты права, — бизнесмен вдруг расплылся в хитрой улыбке, будто его посетила гениальная идея. — А ты у нас по профессии кто?

— Делопроизводитель.

— М-м-м, понятно, — он почесал подбородок. — Сейчас исполнительного и ответственного человека в данной области отыскать непросто. — Вытащив из внутреннего кармана пиджака пластиковую карту, Александр Тимофеевич протянул её мне: — Держи, это моя визитка. Адрес компании на ней указан. Мне бы очень пригодился такой человек, как ты.

Я механически приняла карточку, в недоумении уставившись на мужчину:

— Вы предлагаете мне работу?

— Можно и так сказать.

Я в шоке уставилась на визитку. Будто в моей ладони лежал не какой-то кусочек пластика, а по меньшей мере самый драгоценный камень в мире. В престижной компании Лермана чертовски сложно получить приличную должность. Такие предложения с неба не падают. Но мне дико неудобно...

Я вздохнула, намереваясь вернуть свой, возможно, единственный шанс на беспроблемную работу, но он остановил меня, деликатно оттолкнув мою руку.

— Не отказывайся сразу. Никакого подвоха тут нет. Приходи в понедельник в девять утра по адресу, если решишься. Знаю: времени на размышления чрезвычайно мало, но я уверен, что ты сделаешь верный выбор, если прислушаешься к голосу сердца. Не захочешь — я пойму. Можешь звонить мне в любое время, если нужно будет кому-то выговориться. А можешь просто выкинуть визитку в урну и забыть о нашей встрече. Только прошу, Алина, не рушь свою жизнь.

— Хорошо, я подумаю, — сдалась, продолжая испытывать странную смесь ошеломления и щемящего чувства благодарности, и всё же не сдержала вопрос, который крутился на языке с того мгновения, как мой щедрый спаситель зашёл в номер: — Но почему вы мне помогаете?

Логично же! Он меня совсем не знает, как и я его, — а сделал для меня больше, чем кто-либо другой.

— Просто ты очень сильно похожа на мою дочь, — он

тепло улыбнулся, видимо, вспоминая собственного ребёнка.
— Если бы с ней случилось нечто подобное, не знаю, как бы я отреагировал. Поэтому хочу помочь тебе.

— Спасибо вам. За всё, — искренне проговорила. Я положила визитку в сумку, понимая, что, скорее всего, на собеседование не пойду, но из признательности так и не смогла выбросить её в мусорный бак...

Глава 12.

Чего и стоило ожидать, Александр Тимофеевич не взял с меня и копейки за свою помощь, как бы я его ни уговаривала. Даже такси оплатил, наказав не грустить. Меня сей жест тронул до глубины души.

Дом встретил меня гробовой тишиной. Сев на мягкий пуф в прихожей, я наконец-то скинула осточертевшие босоножки, поставила их в закрытую обувницу и с наслаждением погрузила ступни в удобные мягкие тапочки. Напряжение покинуло меня окончательно.

Когда родителей нет дома, персонал отдыхает, чему я впервые была так несказанно рада. Я бы не выдержала обсуждений свадьбы сестры, восторженных рассказов Светы о её новоиспечённом муже и их совместных планов оформления детской комнаты. Кто-то бы непременно заметил моё истинное состояние. Да и заплаканные глаза вряд ли удалось бы скрыть, особенно от прозорливой мамы. И отговориться тем, что вчера просто переборщила со спиртным, не получится, потому что врать я не привыкла — могу проколоться. Не стану испытывать судьбу. Уединение и стены родного жилища утихомирят нервозность и морально подготовят к встрече с родителями.

Дома у нас достаточно уютно. Отец запустил своё дело незадолго до того, как встретил маму. Денег тогда у них было

не шибко много, а Светку нужно было потихоньку готовить к школе, из-за чего папе пришлось в скором темпе его расширять. Он сотрудничал с каким-то бизнесменом, который помог ему встать на ноги. Потом, правда, их дороги разошлись из-за разности интересов, но в тот тяжёлый период взлётов и падений, в самом начале профессионального пути, стремясь обеспечить маму и Свету всем необходимым, дать им только лучшее, папа приобрёл дом в коттеджном посёлке. В районе, который уже тогда считался престижным. На сегодняшний день эта земля вообще на вес золота. Получилось, что покупка отца оказалась выгодным вложением.

А дом со временем отец сам, собственными руками, с любовью обустроил, оборудовав современной техникой. Тем не менее, выглядела обстановка коттеджа вовсе не роскошно и пафосно. Она была натуральной и естественной. Дорого, конечно, — статус всё-таки обязывает. Но нам важнее было другое: удобство и комфорт. Существуют дома, пропитанные высокомерием, помпезностью и холодом — безжизненные бетонные коробки, а не средоточие света и умиротворения. Из таких хочется бежать что есть мочи. Сюда же возвращаться — одно удовольствие. У нас тепло, ароматно пахнет корицей и мамиными духами с ноткой ванили.

Я прошла в гостиную. Поскольку дома сегодня никто не ночевал, а домработница не появлялась, толстые портьеры на панорамных окнах были плотно задернуты. Отодвинув шторы, я впустила в помещение солнечные лучи.

Оглядела комнату. В гостиной стоял большой полукруглый диванчик бежевого цвета, кресла в тон. Люстра, как и полагается, хрустальная, но она привлекала меня не так, как дополнительный источник освещения: электрический камин, вмонтированный в стену и отделанный камнем. По бокам от него гармонично расположились заставленные книгами полки и атмосферный уголок для чтения, включающий пуф и маленький столик, — моё любимое место в доме после библиотеки, куда можно было поставить чашку с какао или кофе. Перед диваном пристроился стеклянный стол овальной формы, на стене напротив висела плазма, а пол гостиной покрывал ворсистый ковёр.

Здесь очень здорово проводить семейные вечера. Раньше мы довольно часто собирались вчетвером, чтобы посмотреть фильм или устроить после ужина чаепитие. Отныне всё изменится. И я буду безумно скучать по нашим бесценным посиделкам, когда любовь и взаимопонимание были буквально осязаемы, разливаясь горячими волнами под кожей.

Слегка мотнула головой, отгоняя приятные воспоминания. Не время для сентиментальности. Стараясь ступать как можно тише, скользнула в кухню. Тоже светлая и просторная. По требованию мамы. Это её личный островок. Готовит она сама и к плите ревностно никого не подпускает. Если быть откровенной, мама вначале хотела и уборку на себя взять, но глава семейства настоял на домработнице, чтобы мама уделяла больше времени и внимания детям. И пусть мы

со Светой выросли, домочадцы привыкли к такому укладу и не стали его менять.

Чтобы взбодриться, я сварила кофе. А потом решила заняться тем, о чём соврала маме: отдохнуть. На душе почему-то было тревожно. Лёжа в ванной, я пришла к выводу, что связано моё беспокойство отнюдь не с возможным собеседованием, а со мной лично. И как бы я ни пыталась отвлечься, чем бы ни занимала руки и мозг, избавиться от тошнотворного предчувствия не получалось. Я была уверена, что завтра, в воскресенье, должно что-то произойти.

Ночью я долго не могла уснуть, уставившись в потолок. Казалось, что все трудности уже позади, но что, если нет?..

Глава 13.

Проснулась я неприлично рано — для моего режима. После того как окончила колледж, позволила себе расслабиться: леглась за полночь и вставала не раньше полудня. А сегодня в восемь утра сна ни в одном глазу. Отдых и релаксация творят чудеса.

Я понимала, что не усну. А в моём валянии в постели толку никакого. Включив на телефоне музыку, я зажмурилась и с наслаждением потянулась — давно так не высыпалась. Поднялась, накинув поверх пижамы шёлковый халат.

Моя спальня была самой маленькой в доме, но мне она нравилась сильнее остальных, потому что она была единственной комнатой с балконом, выходящим в сад.

Распахнула шторы. Как и вчера, погода сегодня радовала: с самого утра всюду сияло солнышко. Я не удержалась — открыла балконную дверь, впуская внутрь рассветную свежесть. Вышла на площадку, чуть ёжась от прохлады, и с удовольствием притворила веки, глубоко вдыхая. Хорошо...

На моём балкончике, кстати, стоит обитое нежно-голубым бархатом кресло, которое я перенесла сюда из спальни. Когда выдаются тёплые вечера, в комнате я обычно вообще не нахожусь. В ней из мебели — лишь двуспальная кровать с двумя тумбочками по бокам, туалетный столик с пуфиком и шкаф для одежды.

Покинув балкон и оставив дверь открытой, я вернулась в комнату. Здесь всё по-прежнему, как-то по-детски наивно.

Над изголовьем кровати развешаны фотографии с семейных праздников, различные открытки с цитатами из книг. На спальном ложе, среди вороха подушек, полулежит огромный белый плюшевый медведь, подаренный мне в школе парнем из параллельного класса. В углу — туалетный столик, заставленный бутылками и флаконами с парфюмами по мотивам видеоигр, торшер, ножка которого выполнена в виде лозы с тугими бутонами цветов. Вместо люстры — подсветка, яркость и цвет которой можно менять. До недавнего времени эти детали были для меня такими родными и уютными. Теперь же я словно изменилась — смотрю на свою комнатку иначе. Как будто повзрослела за ночь.

Забралась на постель с ногами, чтобы поближе рассмотреть пёстрые картинки. Разные эпизоды жизни, разные периоды взросления: детство, отрочество, юность — но все кадры определённо объединяло одно: счастье в уголках смеющихся глаз и белозубых улыбках. Каждая фотооткрытка напоминала о значимых событиях. Когда-то в прошлом. Они будто стёрлись со временем; потускнели, потеряли былые краски радости. Потому что я понимала: как прежде никогда не будет. А тёплые воспоминания живут в памяти и не требуют дополнительного напоминания.

Поэтому я с затаённой тоской собрала карточки в старую коробку из-под туфель и затолкала её подальше — в шкаф.

Моя жизнь изменилась. Значит, нужно и в окружении что-то менять. Своеобразная терапия, чтобы полегчало. Можно сменить причёску — говорят, тоже помогает принять перемены. Или прикупить пару новых вещичек. С такими мыслями даже задышалось свободнее. Чего это я, в самом деле? Не позволю себе хандрить. Впереди замечательный день! Я отдохнула, да и родители скоро вернутся, если ещё не приехали. Зная маму и их отношения с тётёй, странно, что они вчера вечером не вернулись.

Умывшись в ванной комнате, я переоделась в джинсы и чёрную тунику. Волосы собрала в небрежный пучок. Раз уж решила что-то менять, то и откладывать не стоит. Позавтракаю и съезжу в торговый центр. Шопинг всегда поднимает мне настроение. Коли повезло мне родиться в семье успешного предпринимателя, этим стоит хотя бы однажды воспользоваться по полной. Заодно обдумаю предложение Лермана. Я до сих пор сомневалась и не могла дать чёткого ответа. Надо бы попробовать устроиться куда-то самой, но времени у меня в запасе мало — до понедельника, а сегодня я точно ничего не найду. Хотя до вечера всякое может случиться.

И как же я была права...

Перепрыгивая ступеньки, воодушевлённая, я бодро спустилась на первый этаж. Судя по звукам, доносившимся из столовой, родители и правда уже были дома. Только вот голоса принадлежали вовсе не маме с папой. И когда я сверну-

ла в столовую, пришло внезапное осознание, с чем — а точнее, с кем — была связана моя вчерашняя тревога.

— Что вы тут делаете? — спросила я изумлённо, замерев на пороге кухни.

Глава 14.

— Что вы тут делаете?

— Алина!

Я моментально вздрогнула от маминого укоризненного голоса, прозвучавшего из-за спины. Скривилась и нехотя поправилась:

— Простите мне мою грубость, но всё же: что вы тут делаете? — сложила руки на груди и подняла бровь. — Я думала, вы сейчас где-то на островах — отмечаете свой медовый месяц.

Конечно, меня удивило присутствие на нашей кухне Сергея и Светы, поскольку они собирались укатить в путешествие сразу после свадьбы, а значит, здесь они не должны были появиться в ближайшие четыре недели.

Сестра после моих слов улыбнулась.

— Планы немного поменялись, — она откинула волосы за спину и прильнула к Сергею, он обнял её за плечи.

— М-м-м, понятно, — покивала я с важным видом, едва сдерживая так и рвущуюся наружу иронию. — И что изменилось?

— Мне нужно закончить важный проект. Иначе с работы отказываются отпускать, — за Свету, старательно не глядя в мою сторону, ответил Сергей. — Кстати, — он бросил взгляд на наручные часы, а после с налётом вины перевёл его на

супругу. — Мне уже пора ехать.

О, а я-то гадаю, почему он с утра пораньше щеголяет в деловом костюме. Сестра же в отпуске, поэтому вместо знакомого строгого платья сегодня на ней был белый сарафан на тонких бретелях. Света часто носит светлую одежду, чтобы выгодно подчеркнуть свою немного смуглую кожу.

— Я провожу тебя, — она подхватила мужа под руку, и они вышли в прихожую.

Мотнув головой, я направилась к кухонному островку. Включила кофемашину и обернулась к маме, которая последние несколько минут усердно пыталась прожечь в моей спине дыру.

— Что? — не выдержала я. Подозрительно прищурившись, она отошла к окну и облокотилась на подоконник:

— Ничего не хочешь мне объяснить?

Позади пискнула кофемашина, возвещая о готовности кофе и тем самым ненадолго избавляя меня от необходимости смотреть на маму и отвечать на щекотливый вопрос.

— Алина?

— Не понимаю, о чём ты, — пожав плечами, я обхватила чашку двумя руками и развернулась к ней лицом, привалившись к столешнице.

— О твоей бурной реакции, — не стала ходить вокруг да около мама.

Я раздражённо закатила глаза и сделала глоток бодрящего напитка. На пренебрежительный жест родительница осужда-

юще цокнула языком:

— Это было очень невежливо. С чего ты взяла, что Света не может тут находиться? Тем более со своим мужем, который теперь тоже является частью нашей семьи.

— Мам, я же не то имела в виду.

Моя мама — Дарья Михайловна, в девичестве Новак, — родом из знатной семьи. Как следствие, она обладает достойным фамилии образованием и безупречным этикетом. Вопреки тому, что с родителями моя матушка из-за какой-то старой ссоры давно и прочно не общается, привитые ими привычки остались. Да и кровь не водица — гены пальцем не сотрёшь. Меня и сестру она воспитывала так же, а мой выпад был бестактным и несдержанным, противореча маминим установкам. Ну а что я могла поделать? Даже после предательства я продолжала считать Сергея не лишённым сострадания человеком и надеялась на то, что он отнесётся с пониманием к моим чувствам. Даст мне хоть немного времени восстановить душевное равновесие. Но, похоже, будучи влюблённой, я чересчур его идеализировала и в реальности он далёк от того героя, которым я его вообразила.

— Просто я действительно не ожидала увидеть их так скоро. Не удержалась. Но извинилась ведь, — и поторопилась перевести тему: — А что, свадьба не является достаточным основанием для отпуска? Светику-то не отказали, — сказала и спохватилась: как бы мама не решила, что я пытаюсь от них избавиться. Но, слава богу, пронесло:

— Я тоже не понимаю, если честно, — родительница тяжело вздохнула, присев за стол. — Сергей же работает у своего отца. Что ему стоило договориться, чтобы его проект отдали кому-то другому?

Тут я чуть было не ляпнула, что отец у Сергея очень строгий, особенно в плане работы, но вовремя прикусила язык. Откуда я могу быть в курсе таких подробностей? Правильно: ниоткуда. Сболтну лишнего — мама потом не отстанет, пока не выяснит все подробности.

Помолчав, она добавила:

— Но нас их дела не касаются — пусть разбираются сами, я вмешиваться не буду. Главное, чтобы Света была счастлива.

— Да, — эхом отозвалась я, отворачиваясь, чтобы мама не заметила промелькнувшей на лице гримасы боли. Я так сильно была взвинчена, что вздрогнула, когда таймер духовки издал звуковой сигнал.

— Алин, запеканку будешь? — мама подошла к духовке, надев на руку прихватку, и потянула на себя дверцу. По кухне мгновенно поплыли аппетитные ароматы запечённого творожного теста.

— Конечно. Когда я от неё отказывалась? — опустилась на стул, улыбнувшись, но полностью расслабиться никак не выходило.

— И мне положи, пожалуйста, — сестра вернулась в кухню. Походка летящая, щёки окрашены ярким румянцем. Бы-

ло очевидно, что с Сергеем она в коридоре не погоду обсуждала. — Кстати, вы же не будете против, если мы поживем здесь, пока Серёжа не завершит проект? — вдруг произнесла она.

Горячий напиток, который я неосмотрительно отхлебнула из чашки, едва не пошёл у меня носом.

— Ты чего? Куда торопишься? — сестра легонько похлопала меня по спине. Я кивнула с благодарностью, обмахиваясь ладонью. В уголках глаз от кашля выступили слёзы. Мама подала мне воды и вновь продолжила нарезать запеканку. Я жадно хватала ртом воздух, тщетно пытаюсь отдышаться.

А вдохновляющее настроение с каждой минутой становится отвратительнее и отвратительнее!

— Милая, что ты такое говоришь? Разумеется, мы не против, — мама поставила перед нами тарелки с вкуснейшим завтраком, политым сгущенкой и посыпанным свежими ягодами. — Но почему не в квартире Сергея? Не хотите побыть вдвоём, насладиться друг другом? — хитро стрельнула в сестру взглядом, а я опять чуть не подавилась. Света же рассмеялась, открыла холодильник, вытащила графин с апельсиновым соком и, наполнив стакан, села на соседний стул.

— Ещё успеем, мам, — она пододвинула ближе тарелку, параллельно разъясняя: — Просто сейчас, когда Серёжа будет пропадать на работе, я не хочу круглые сутки охранять входную дверь и скучать в одиночестве. Ко всему прочему я

не особо нравлюсь его родителям. Поэтому, если вы не возражаете, мы немного поживём тут. Потом поедem куда-нибудь, отдохнём, а по возвращении, надеюсь, наш дом уже будет готов к заезду, — отломив кусочек запеканки, Света отправила его в рот. Я автоматически повторила за ней — аппетит пропал, но нужно было чем-то занять руки. Мама пристроилась рядом, но есть не стала: пила свой любимый травяной чай, читая что-то в телефоне.

— Лин, а ты чем сегодня планируешь заняться? — прожевав, обратилась сестра ко мне.

— Эм... Хотела съездить в торговый центр, немного обновить гардероб, — малость растерялась я.

— Отлично, я составлю тебе компанию? После того, как вернусь из свадебного путешествия, думаю, мы будем реже видeться. Надо ловить момент, пока он есть.

— Хорошо, но лишь при одном условии.

Света вопросительно подняла бровь.

— Мы не будем упоминать твоего мужа. А то знаю я тебя, опять начнёшь: «Серёжа то, Серёжа сё», — передразнила я, обвинительно ткнув в неё пальцем.

— Договорились, — Света хохотнула, лукаво посмотрев на меня. — Но тогда ты не говоришь о своих книгах и о том, что они лучше фильмов.

— Если бы ты прочла хоть одну, поняла бы, что они действительно...

— Никаких книг, — она угрожающе направила на меня

вилку.

Не сдержавшись, я прыснула, поднимая руки в защитном жесте:

— Ладно-ладно, сдаюсь!

Периферийным зрением я заметила, что мама наблюдала за нами с улыбкой, и вдруг поняла, как мне не хватало вот этих наших перепалок. Может, и не плохо, что всё сложилось таким образом. Мне ведь необязательно видеться с Сергеем. Когда он будет здесь, я могу проводить время в библиотеке или в своей комнате, а когда его нет — развлекаться с сестрой.

Покончив с завтраком, Света решительно встала.

— Так, ты иди собирайся, а я пока быстренько переоденусь и выгоню машину из гаража, — раздав указания, она подмигнула мне и убежала.

А я, как и положено примерной младшей сестре, отправилась выполнять то, что было велено: прихорашиваться...

Глава 15.

Первые пятнадцать минут меня не покидало чувство дежавю, когда мы с сестрой зашли в торговый центр. В памяти против воли всплывал наш последний поход по магазинам, закончившийся «знакомством» с её женихом и моими раскрошенными мечтами... Но потом я перестала об этом думать и просто начала получать удовольствие от процесса. А стоило нам посетить салон красоты, я вовсе забыла обо всём. Процедуры, массаж, вежливый персонал — вот что возвращает энергию и дарит ощущение лёгкости.

Я выполнила один из пунктов своего плана под названием «Перемены». Мои непокорные волосы уложили, чтобы они не вились, а лежали аккуратными волнами, и перекрасили: сначала немного осветлили, а после сделали оттенок пепельным. Сестра, увидев результат, чуть в обморок не упала, но, выйдя из ступора, всё же признала, что мне идёт. Сама она ничего менять не стала.

Помню, как-то Света экспериментировала — красила волосы в блонд, но почти сразу вернула родной цвет, потому что нас с трудом различали. Затем она пришла к рыжему, но и он ей не угодил, поэтому неугомонная сестрица оставила свою каштановую шевелюру в покое.

После салона мы прошлись по бутикам и закупили всякой всячины. Против обыкновения, я взяла много классической

одежды. Не знаю, что на меня нашло, однако в раздел повседневной я даже не заглянула. В качестве исключения приобрела летний голубой сарафан, но он тоже смотрелся не подомашнему и подходил скорее для офиса — за счёт воротника в рубашечном стиле. Рукава были длинными, свободными, а запястья обхватывали прямые манжеты на пуговицах. Свете моя покупка не понравилась. Она посчитала наряд «слишком простым». Я же на её критику махнула рукой, продолжая с улыбкой вертеться перед зеркалом.

Не знаю, что думает о спонтанном шопинге сестра, но я замечательно провела время.

Выпив кофе и пообедав в кафе, мы засобирались домой. Загрузили покупки на заднее сидение Светиной красной «Мазды» и под музыку, преодолевая пробки, двинулись в обратный путь...

Мама на изменения в моей внешности отреагировала положительно, а вот папа вообще не заметил, пока родительница ему не сказала. Я иногда поражаюсь внимательности мужчин.

Вопреки тому, что на календаре воскресенье, отец не сидел без дела. Да, у него, в отличие от Сергея, никаких горящих проектов не было, но работал он практически без выходных. Трудоголик. Мне бы такое рвение...

Посмеявшись над папиной рассеянностью, Света ускакала к себе в комнату, чтобы принять душ. Отец переоделся в спортивный костюм и отправился в любимый гараж. А я

свернула на кухню, решив помочь маме с ужином. Когда мы закончили готовить, то выпили чай и устроились в гостиной — по телевизору как раз крутили мамин любимый сериал. Я не особо вникала в происходящее на экране, погружённая в свои мысли, но в целом ни о чём не переживала.

В шесть вечера безмятежность меня покинула — возвращение Сергея заставило заметно напрячься. Он поднялся на второй этаж, к Свете, а мы с мамой принялись накрывать на стол. Правда, довольно скоро матушка выгнала меня из кухни, отправив к отцу — чтобы позвала его кушать.

За ужином царила расслабленная атмосфера. Меня от необходимости говорить избавило то, что родители устроили Сергею допрос с пристрастием, расспрашивая его обо всём на свете. Мужчина стойчески отбивался от них — естественно, не без участия Светы. А мне кусок в горло не лез, потому что иногда я ловила на себе взгляд мужа сестры. И это вызывало зудящий дискомфорт: возникало непреодолимое желание расчесать кожу до крови там, где её касались его синие глаза. Поэтому, когда приём пищи подошёл к концу, я стремительно выскользнула из кухни, бросив на Свету уборку и мытьё грязной посуды. Я помогала с готовкой, так что всё честно. Хотя сестра может переложить эту ответственную миссию на плечи мужа. Ну и пусть, флаг им в руки.

А я сбежала туда, где всегда пряталась от реальности: в библиотеку. Просидела там достаточно долго — не считала сколько, но погрузилась в чтение, едва переступив порог, и

с того момента не поднимала головы. Несмотря на то, что часы показывали только восемь часов вечера, я уже начинала зевать. Должно быть, сказывались ранний подъём и насыщенный день.

Я зашла в спальню, потирая слипающиеся глаза, щёлкнула замком — и чуть не закричала от испуга: балконная дверь была не закрыта, и сейчас на площадке замерла чья-то тень. В сумерках было не разобрать, кто это.

Я судорожно нащупала выключатель. Комнату залил свет. Нежданный гость обернулся, резким движением отдёргнул занавески — и ноги мои стали ватными, а упавшее было в пятки сердце заколотилось с бешеной скоростью: на моём балконе стоял муж моей сестры...

Глава 16.

— Ты что, с ума сошёл?! — прошипела я, впившись уничтожающим взглядом в Сергея, которого здесь быть не должно! Его место — под боком у Светы, в соседней спальне, а не в моей! — Что ты тут... Как ты вообще... — сбитая с толку, подошла к мужчине, схватив его за ворот футболки, понижая голос до гневного шёпота: — Кто-то мог тебя увидеть! Что ты творишь?! — Страх быть пойманной в таком компрометирующем положении вместе с кипучей яростью, от которой горели щёки и уши, поднимался колючим комком к горлу — а он нахально ухмылялся, глядя на меня бесстыдно и прямо. — Хочешь всё разрушить?!

— Каким же образом я всё разрушу, Алиш? — вкрадчиво уточнил этот идиот, поддерживая едва слышимый тон.

Он осторожно высвободился из моего захвата, сжав в своих сухих и горячих руках мои — ледяные и влажные от волнения. Я мгновенно их выдернула, отступив на шаг. Без того небольшая комната сейчас словно уменьшилась вдвое.

— Серьёзно?! — истерический смех заклокотал в грудной клетке, пока я безрезультатно пыталась выровнять дыхание. В помещении было свежо, но я задыхалась. — По-твоему, нормально, что мужчина залезает через балкон в комнату сестры своей жены? Это даже звучит дико!

— Алина, милая, пожалуйста, успокойся, — баритон его

звучал, как и прежде: проникновенно и до мурашек бархатисто. Он пробирался в недры сознания, гипнотизировал. А сердце кровью обливалось оттого, что ощущения были иллюзорными, как оазис в пустыне. Ведь я любила, а он нет. И доказательство отчётливо прослеживалось в его бездонных зрачках. Если раньше они горели при виде меня, то сейчас будто потухли.

Мне вдруг стало очень тоскливо. Даже не потому, что любовь оказалась невзаимной, а потому, что, стоя в считанных сантиметрах от Сергея, я не видела его: передо мной, как живые, плясали мерзкие кадры того, как человек, в которого я влюбилась, целует мою сестру, бережно прижимает её к своему телу, касается...

— Ты просишь меня успокоиться? — голос подрагивал. Улыбка Сергея померкла, когда я вновь встретилась с ним глазами; в сапфировых радужках отразились отголоски моей боли. Боли такой страшной величины, какая ему и не снилась. — Ты не имеешь права просить меня о подобном, слышишь? — с ресниц сорвалась горячая капля, и я злобно утёрла её рукавом. — Ты не имеешь права ревновать меня к другому, не имеешь права подходить ко мне, притрагиваться, называть меня Лишей или милой! Не имеешь! — выплеснув негодование, порывисто отвернулась. Броня моя трещала по швам. — Хватит меня мучить, Сергей! Пожалуйста, оставь меня в покое! Я уже смирилась с тем, что вы со Светой поженились. И даже то, что у вас будет ребенок, сумела принять

— ты не представляешь, как тяжело мне это далось. Прошу, не приходи сюда, не надо беречь мою рану. Она и так ещё кровоточит... — Я не услышала, а скорее ощутила, как он подошёл ко мне, замерев в преступной близости. — Моё сердце разрывается всякий раз, когда я вижу вас вместе. Но ещё хуже становится, когда я замечаю, как ты исподтишка смотришь на меня. Думаешь, все слепые? Если заметила я, рано или поздно заподозрит неладное и Света, и родители... Что будет тогда?

— Ничего не будет, Алина, — я уловила в его шёпоте что-то похожее на обещание. Однако вера в обещание отпустить рухнула после следующих его слов: — Я всё исправлю.

Глубоко вздохнув, смахнула со щёк непрошеные слёзы и обернулась к Сергею, оказавшись в каком-то дюйме от него.

— Исправишь? — ироничная усмешка превратилась в жуткий оскал. — Интересно, как? Вернёшься в прошлое и не переспишь с моей сестрой? — колко спросила я. Ответом на риторический вопрос было красноречивое молчание и искажённое в болезненной гримасе лицо. — Я так и думала, — покачала головой. — Ничего не исправить. Ты мне изменил. Мы это уже обсуждали. И знаешь, какой вывод я сделала? — Он слушал внимательно. — Я просто маленькая девочка, которая играла в любовь с мерзавцем. Спасибо, Серёжа, за то, что открыл мне глаза.

Моя внезапная весёлость вызвала в собеседнике стойкое замешательство и недоумение. Не ожидал? Естественно —

ведь он наверняка был уверен, что его нежный цветочек не может разговаривать с ним так грубо. Трижды ха!

Я сложила руки на груди и решила продолжить ломать представление Сергея о себе. Возвела взгляд к потолку в притворной задумчивости:

— Мне вот любопытно. Ты изменял моей сестре со мной? Или мне с ней? — издевательски протянула я.

— Это было всего раз, — выпалил он торопливо, тем самым неосознанно помогая мне сохранить боевой настрой.

— Уже два, — корректировка получилась едкой. Мужчин вопросительно поднял брови, а я с садистским удовольствием поинтересовалась: — Как прошла брачная ночь? — и натянуто улыбнулась, потому что он виновато отвёл взор. — Ты же не мог сказать Свете, что безнадёжно влюблён в её младшую сестрёнку, верно? — Хотя теперь я сомневалась, что он испытывал ко мне что-либо романтическое.

В памяти всплыла фраза Александра Тимофеевича: «Измена — не ошибка, а выбор». Сергей свой сделал. Настала моя очередь расставлять приоритеты.

— Ещё я, наконец, осознала, что наши с тобой отношения — одна сплошная ложь! И чувства мои — тоже. Даже хорошо, что именно так всё сложилось. Потому что только после вашей свадьбы я поняла, что не люблю тебя. И, кажется, никогда не любила.

Откровенное враньё царапало нёбо, вспышками глухой тоски проносилось по позвоночнику, но гораздо сложнее бы-

ло не показать, что каждое брошенное слово ранит меня сильнее, чем его. А я до ужаса хотела утопить его морально, растоптать, смешать с грязью, которую он замесил сам... Однако эффект получился обратный. Моя импульсивная речь не заставила его отшатнуться, стенать и рвать на себе волосы — она его разозлила.

Сергей внезапно схватил меня за плечи и прижал к стене, наклонившись к моему лицу. И в этот момент я действительно испугалась его взгляда — того взгляда, что парализовал мои конечности на свадьбе: холодного, тёмного, пожирающего. Взгляда, от которого рефлекторно спирает дыхание...

Глава 17.

— Дорогая, ты никогда не умела врать, и сейчас пытаться не стоит, — его голос опустился до зловещего змеиного шипения, и я невольно вжалась в стену, не в силах отвести глаз от его синих, сейчас почти чёрных очей. — У тебя такой испуганный вид, — прищурившись, мужчина чуть сильнее сжал мои руки. Не больно, но весьма ощутимо. — Разве я когда-то причинял тебе вред?

— Физически — нет, — хрипло выдавила и с намёком посмотрела на свои запястья, сжатые точно в тисках. — Но всё бывает впервые.

— Верно, — кивнув, Сергей отпустил меня, но не успела я облегчённо выдохнуть, как он создал новый капкан, выставив руки по обе стороны от моей головы, и подступил вплотную, вынудив упереться ладонями в его грудь, чтобы оставить какую-никакую дистанцию между нашими телами. — Но тебе я больно сделать не смогу...

— Однако сделал, — обрubiла я, тщетно отталкивая от себя массивное туловище. — Неужели ты этого не понимаешь? Или не хочешь понимать? Я тебя не звала, но вот ты здесь и не желаешь меня слышать! Чего ты добиваешься?

— Ещё одного шанса. Извини меня. Я действительно очень сожалею о содеянном и о том, какие страдания повлекла моя оплошность для тебя, — но, поверь, мне не легче. Да,

я со Светой, но постоянно думаю о тебе. Смотрю в её глаза — а вижу твои. Алина, я не могу без тебя, пойми ты это! — он неожиданно с досадой ударил кулаком по стене прямо у моего виска. Я зажмурилась. Не знаю, чего он на самом деле добивался, но я не испытывала ничего, кроме отчаяния. Однако и этого ему показалось мало. Он решил добить: — *Я тебя люблю и хочу вернуть любым способом!* Мне просто нужно больше времени. Всё гораздо запутаннее, чем ты можешь вообразить. Думаешь, тебе плохо? Не думала, что мне хуже? — донеслось сквозь гул в ушах разъярённо-мрачное.

Я распахнула глаза и уставилась на него со смесью возмущения и удивления.

— А ты не думал, что нам обоим было бы проще, если бы ты умел держать себя в руках?! — спокойствие покинуло меня окончательно и бесповоротно; по щекам покатались злые слёзы. — Ты эгоист до мозга костей, Сергей: сам рушишь наши отношения, — а потом нагло врываешься в мою комнату ночью и просишь дать тебе шанс исправиться! Уверяешь, что любишь, хочешь вернуть. А о чём ты думал раньше, когда... — голос сорвался, и мне понадобилось несколько секунд, чтобы собраться с духом. — Утверждаешь, что всё сложно, что тебе требуется время, что не можешь без меня жить. И что ты предлагаешь? Мне сесть на стульчик и смиренно ждать неведомо чего? Или, идя сюда, ты надеялся на то, что споёшь песенку про больную любовь — и я растаю, мигом простив твоё предательство? Или, может, ты рассчи-

тывал, что я покорно соглашусь на роль твоей любовницы? Ведь так?! — я нервно усмехнулась, а он крепко сжал челюсти. Попала в яблочко, Серёженька? Вскрылись твои истинные намерения? — Я повторю конкретнее, а ты уж постарайся и пойми: между нами всё кончено! Давай просто сделаем вид, что не знаем друг друга. Ты не будешь пялиться на меня, не подойдёшь ко мне без особой надобности — а я никому ничего не скажу. И не обольщайся: я делаю это не ради тебя — ради Светы. Она теперь твоя жена, и у вас будет ребенок. Поэтому не вздумай обижать её, иначе я молчать не стану — и все узрят твою гнилую натуру.

— Ты так переживаешь о сестре. Это даже мило, — мужские губы презрительно скривились. — Неужели она столь важна для тебя?

— Она не чужой мне человек, — дёрнула плечом, не понимая его резкой реакции. — Логично, что чувства сестры для меня в приоритете и важнее тебя и моих проблем.

— Интересно. Думаешь, будь на твоём месте, она бы считала так же? — я нахмурилась. К чему вдруг этот нелепый вопрос, и как мы вообще до него дошли? — Ты так наивна, Алина. Смотришь на мир сквозь розовые очки, до сих пор веришь в сказки — а зря. Ты очень плохо знаешь свою сестру, милая. Она вряд ли ценит тебя в той же степени, что и ты её. Жаль, что за призмой своей невинности ты этого не видишь, — Сергей театрально грустно вздохнул, медленно покачивая головой.

На мгновение я поражённо замерла, а после, вспыхнув, рассердилась пуще прежнего.

— Вот только не надо из-за своей обиды перекладывать с больной головы на здоровую, — очередные мои потуги отодвинуть его не увенчались успехом. — Научись брать ответственность за свои поступки!

— Ох, ты ещё такая глупенькая! Очевидного не замечаешь, — муж сестры хищно осклабился, перехватывая мои запястья и опять стирая расстояние под ноль. — Ничего, скоро правда вылезет наружу.

— Отпусти меня! — дёрнулась, пытаюсь вырваться, но он вцепился в меня как клещ — не шелохнуться. — Ты говорил, что не причинишь мне боли, но солгал! И сейчас лжёшь! Отпусти немедленно, или я... — договорить я не успела.

Сергей вдруг разжал руки, но лишь для того, чтобы собственническим жестом обхватить мою талию и прижать к своему торсу, впиваясь в губы жёстким поцелуем. Я сопротивлялась изо всех сил, извивалась как могла, но куда мне тягаться с многократно превосходящим физически мужчиной. Он стискивал меня пальцами так, что ныли рёбра, сминал кожу через одежду — наверняка оставляя синяки. А когда я не ответила на поцелуй, до крови прикусил мою губу, требуя подчинения.

Я отчётливо почувствовала его возбуждение, отчего животный страх прошёлся морозом по внутренностям. Как я могла быть такой дурочкой? Как не разглядела в нём раньше

эту тёмную сторону?

Он отпустил меня, только когда я заревела, в истерике колотя по каменным плечам и груди, не позволяя ему растегнуть пуговицы на моих джинсах. Ощувив долгожданную свободу, отскочила от мужчины подальше, прижимая трясущиеся руки к груди.

— Убирайся отсюда! Немедленно! — голос дрожал, ноги превратились в желейную массу и не держали. Слезы жгли глаза, а сердце от ужаса сорвалось в галоп и билось как оголтелое, точно пойманная в силки птица.

Отчаяние во мне достигло предела, выплёскиваясь безрассудной смелостью:

— Иначе закричу! Тогда ничего уже скрывать не придётся.

— Ты ещё ответишь за это, милая! И не я стану тому причиной, а ты сама, — процедил Сергей, до хруста сжимая челюсти и разминая кулаки — видно, еле удерживался от соблазна продолжить начатое. — Смотри не пожалей! — выплюнул он напоследок и, смерив меня злым взглядом, ушёл.

Я в панике подбежала к двери, торопливо запирая её. Колени подкашивались от пережитого потрясения — пришлось прислониться спиной к стене, чтобы не упасть. Я сползла на пол и обхватила колени руками, давась беззвучными рыданиями. А так хотелось кричать!

Глава 18.

Сергей вихрем ворвался в комнату Светланы, гневно хлопнув дверью. Девушка, сидя в своём мягком кресле, даже не вздрогнула. Напротив, она с самым спокойным видом продолжала листать глянцевый журнал.

— Сука! — рыкнул мужчина, вдарив кулаком по стене, чем вызвал веселый смешок Светы.

— Что, не приласкала тебя девочка? — она улыбнулась, убрала журнал в сторону и, довольная, словно кошка, потянулась, плавно поднимаясь из кресла. — А ведь я предупредила. Алиночка у нас девочка правильная.

— В отличие от тебя, — саркастично-презрительно произнёс Сергей, внимательно наблюдая за приближением девушки.

— Фу, как грубо, — она нахмурила аристократические брови, впрочем, надменная усмешка уже играла на её лице.

— А ты много не заслуживаешь, — отбил мужчина.

Их взгляды встретились. Его — полный бессильной ярости и неугасшего желания. И её — самоуверенный и высокомерный, что она мастерски скрывала от окружающих.

— Любимый, будь вежливее. Я всё-таки твоя жена, — она провела ладошкой по напряжённому плечу и продемонстрировала золотой ободок на безымянном пальце другой, поше-

велив им перед его лицом. — Видишь кольцо? — Сергей в ответ поморщился, как от зубной боли, едва не скрипя зубами. — Мы с тобой крепко повязаны, и виноват в этом только ты. Поэтому не стоит срываться на меня. Тем более, я великодушно дала тебе возможность отыгаться: позволила открыть глаза моей доверчивой сестрице. Но ты и ею не сумел правильно распорядиться. Теперь придётся играть по моим правилам, родной, — Света ласково погладила его по щеке, но он тут же отстранился. — Кстати, что ты ей сказал?

— А вот это, дорогая, тебя не касается, — мужчина перехватил узкие запястья, препятствуя дальнейшим прикосновениям.

— Мы семья, значит, меня касается всё, что касается тебя, — высвободившись, брюнетка сложила руки на груди и показательно постучала ножкой. — Давай я сама угадаю. Ты пытался убедить её в своей безграничной любви, не так ли? А она, обиженная бедняжка, не поверила? Или сказала, что не испытает к тебе того же. Угадала? — она ехидно хихикнула, чем окончательно вывела мужчину из себя. Сергей схватил её за плечи, буквально впечатывая спиной в стену, и с холодной злобой железной хваткой вцепился в её горло, слегка сдавливая. Света не издала ни звука, поскольку ожидала чего-то подобного, намеренно задевая супруга ядовитыми высказываниями.

— Осторожнее со словами, Светочка! Не надо говорить того, о чём пожалеешь, — прорычал он агрессивно, навис-

нув сверху. — Загнанный в угол зверь непредсказуем и опасен — помни об этом, не доводи до греха. Я и так с трудом борюсь с искушением свернуть твою прекрасную шейку. Будешь выделяться — не задумываясь, перейду эту черту.

Света только дерзко ухмыльнулась, абсолютно не впечатлившись пустыми угрозами, успокоенная простой истиной: мужчина у неё на крючке, и ему с него не сорваться, как бы он ни старался.

— Мы с тобой оба отлично понимаем, что ты мне ничего не сделаешь, милый, — фыркнув, пропела она. — По крайней мере, плохого. Или того, чего бы я не хотела... — многозначительно прикусила нижнюю губу.

Рефлекторно отступив, Сергей брезгливо поморщился и отвернулся. Света же, словно не замечая его отвращения, пробежала пальчиками по своей шее — там, где остывал след его жаркого прикосновения.

— Ты всегда так груб! Думаешь, Алина — нежный цветок — потерпит к себе такое отношение? — противно растягивала гласные стерва, стремясь уколоть импульсивного мужа за вспыльчивый нрав.

— С Алиной всё было бы иначе. Потому что она не такая, как ты, — Сергей с горечью сморщился, потому что в чём-то женщина, по недоразумению ставшая его женой, была права: он не сдержался сегодня — испугал свою маленькую хрупкую девочку. И всё из-за этой...

— Правда? — она не спеша подкралась со спины и при-

льнула к супругу грудью, приподнимаясь на носочки и обнимая. У самого уха раздалось горячее, прерывистое дыхание: — Перестань обманываться, дорогой, — твоё нутро такое же чёрное, как и мое. Ты пытаешься врать мне, врёшь себе и, что главное, ей. Открой глаза, Серёжа. И смирись с тем, что мы идеально подходим друг другу.

Сергей с силой вогнал ногти в мякоть ладоней, пытаясь вернуть трезвость рассудку и не повестись на провокацию, когда женские коготки начали выводить узоры на его груди.

— Ты напряжён, — Светлана обошла его, мягко, но настойчиво взяв за руку, и мужчина безропотно, словно марионетка, вложил её в изящную ладонь. — Бедная девочка даже не подозревает, как действует на тебя, — голос её опустился до соблазнительного шёпота. — Забудь о ней. Лучше вспомни, как хорошо нам было вместе...

Тесно прижавшись своим телом к Сергею, она прочертила языком влажную дорожку от видневшейся из-под ворота футболки ключицы до подбородка, на котором пробивалась дневная щетина, с удовольствием отметив, как дёрнулся в ответ на нехитрую ласку острый кадык.

— Ты так возбуждён, милый, — мурлыкала Света, медленно ведя его к постели. Васильковые глаза горели таким же тёмным огнём, что и его. — Не волнуйся, я помогу тебе с этим. Я знаю, что тебе нравится, — она облизнулась в предвкушении, внутренне ликуя, когда мужчина шагнул следом.

Мужскими желаниями так легко управлять. Жаль, её на-

ивная сестрёнка не подозревает, какую ловушку ей подготовил самый близкий и родной человек...

Глава 19.

В моём организме будто внезапно сорвало кран, и теперь вся содержащаяся в нём вода вытекала слезами до полного иссушения. Я раскачивалась взад-вперед, обхватив ладонями голову, и не могла остановить беспрестанный поток солёной жидкости, от которой уже горело лицо.

Как меня угораздило так вляпаться? Дура! Боже, какая же я дура! Поверила в любовь до гроба, а оно вон как обернулось...

Босые ступни обдало порывом ветра, пробуждая ото сна колючие мурашки. Я с трудом поднялась, опираясь на стену. Ноги затекли из-за долгого сидения в одном положении. Страх сковывал похлеще цепких мужских рук. Не ожидала я такого от Сергея, ох и не ожидала. Он никогда не смотрел на меня таким необузданным, диким взглядом! Или я, ослеплённая любовью, не обращала внимания?..

Сегодня я поняла, что нельзя очертя голову бросаться в омут чувств. Этим воспользуются с вероятностью девяносто процентов. А я не хочу, чтобы мной воспользовались. Не хочу снова вариться в котле безнадёжности и муки. В конце концов я не хочу ещё раз получить подножку от того, кого люблю!

Не сопротивляйся я его неистовому напору, не пытайся вырваться, он бы... К горлу подступила тошнота. Я прижа-

ла руку ко рту и тут же, зашипев, одёрнула — на прокушенной Сергеем нижней губе была кровь. Вот так и разбиваются детские мечты, и рушатся песочные замки...

Криво усмехнувшись, я подошла к балкону и плотно закрыла дверь. Отныне всегда буду его запирать, чтобы всякие неадекватные личности не вторгались в моё личное пространство.

После пережитого меня всю трясло — то ли от адреналина, то ли от холода — непонятно. Я вытащила из шкафа полотенце и халат и отправилась в ванную — чтобы отогреть хотя бы тело, если душу не удастся. Нужно было срочно смыть весь этот кошмар с себя.

Не покидало ощущение, что сколько бы я ни старалась улучшить свою жизнь, ничего не выйдет. Так и придётся мне тайком глотать в уголке слёзы, пока остальные налаживают жизнь и обретают счастье.

С таким мрачным настроем, приняв душ, я покинула ванную комнату, переоделась — и мой взгляд зацепился за сумку, валяющуюся у кровати. Из неё выпала визитка, которую мне дал Александр Тимофеевич. Меня посетила гениальная догадка. Что, если именно эта работа и есть точка отсчёта для перемен? Ведь неспроста судьба свела нас, неспроста он забрал меня с моста и предложил помощь. Лерман в тот день сказал: «Жизнь — штука сложная», — но меня сложности никогда не пугали. И сейчас я не отступлю, не спасую перед трудностями. Встану к ним лицом к лицу.

Я уверенно взяла мобильный и набрала номер Александра Тимофеевича, молясь, чтобы он не счёл мой звонок фамильярностью.

— Слушаю, — прозвучало сурово на том конце провода, слегка сбив мой боевой задор.

Так, не тушуемся, Алина! Не тушуемся...

— Здравствуйте, Александр Тимофеевич! Это Алина. Вы извините, что я так поздно... — моё неразборчивое лепетание вызывало желание надавать себе по щекам. Однако от тотального провала меня уберегли, прервав посмеиванием:

— Алиночка, ничего страшного! Ещё не поздно, да и я же говорил, что ты можешь звонить в любое время, — и я невольно улыбнулась от того, как кардинально изменился тон мужчины, когда он узнал, кто звонит. Вот такие они, бизнесмены: с виду вроде предельно серьезные, хмурые и деловые, а в душе — добрые плюшевые мишки. Не все, конечно, но нередко попадаются исключения из правил. — У тебя что-то случилось? — голос его потеплел, но звучал встревоженно. Я поморщилась. Ну разумеется. Что может прийти на ум человеку, когда ему звонят в ночное время?

— Нет-нет, ничего! — поспешила успокоить я, объясняя с толикой смущения: — Просто я подумала над вашим предложением и решила согласиться. Хотела узнать, что мне нужно взять с собой на собеседование.

— Ты приняла верное решение, Алина. Работа поможет тебе справиться со всеми переживаниями, поверь мне,

— Александр Тимофеевич будто понимал, что я чувствую. Мужчина-загадка. Какая же драма скрывается за его успешным фасадом?.. — Возьми своё резюме, рекомендации с места практики, если есть, и, конечно, диплом.

— Хорошо, поняла, — я кивнула, словно бизнесмен мог меня видеть. — Тогда завтра в девять.

— Буду ждать. Уютного тебе вечера, Русалка.

Я хотела ответить, но Лерман уже отключился. Со смехом закатила глаза, поняв, что он сделал это намеренно: чтобы я не возмущалась по поводу прозвища. Зато настроение мне поднял. Я даже воодушевилась! Быстро собрала в папку все необходимые документы, выгладила новенький голубой сарафан и легла спать.

Как же стремительно меняется моя жизнь! Сейчас главное — взять себя в руки. И избегать встреч с Сергеем — мало ли какой ещё фортель он может выкинуть. В голове роились мысли о предстоящем собеседовании, что занимало меня гораздо больше, чем бывший возлюбленный.

Поворочавшись в постели около часа и с трудом справившись с волнением, я наконец погрузилась в царство Морфея.

Глава 20.

Утром, едва поднялось солнце, я уже была на ногах. С горем пополам выпрямила волосы — они никак не хотели ложиться так, как мне было надо. Наверно, потому, что я их недавно помыла и высушила, а после купания моя грива обычно пушится и вредничает. Ой, успеть бы только! А то некрасиво, да и неправильно в плане дисциплины опаздывать на собеседование. Пунктуальных работников ценят высоко, поэтому нужно проявить себя с лучшей стороны.

Но я так переживала, что даже порвала пару колготок, прежде чем нормально одеться. Встала у туалетного столика, слегка подкрасила ресницы тушью, сбрызнула парфюмом шею, запястья и посмотрела на себя оценивающе. Платье сидело как влитое, но мне казалось, что чего-то не хватало. Точно! Я улыбнулась и вытащила из шкатулки бесподобный комплект украшений, который мне подарила Света на прошлый день рождения: овальные золотые серьги как переливы морских волн, кулон на золотой цепочке с опалом посередине и колечко с таким же камешком. Вот что идеально вписывалось в образ.

Я довольно подмигнула своему отражению, перекинула ремешок сумки через плечо, подхватила папку и, надев на ноги босоножки, быстро вышла из комнаты. Перескакивая через две ступеньки, спустилась вниз в надежде успеть хотя

бы кофе выпить, по пути заказала такси. Ещё доехать нужно по пробкам: понедельник — день рабочий, а сейчас как раз час пик.

«Так, Алина, а ну-ка прекрати накручивать себя! Всё будет хорошо!» — подбадривал внутренний голос. Я решила к нему прислушаться — нервные клетки всё-таки не восстанавливаются.

Влетела в кухню и на пороге чуть не столкнулась со Светой.

— Доброе утро! — обогнула её, здороваясь на ходу и заправляя непослушную прядь за ухо. Подошла к кофемашине и поставила чашку на подставку. Папку положила рядом.

— Доброе! А ты чего так рано поднялась? Собираешься куда-то?

Пока готовился кофе, я обернулась, чтобы ответить, да так и замерла на месте с открытым ртом. Вся моя радость и бодрость тут же куда-то испарились. Сестра выглядела потрясающе: волосы были заплетены в косу на одно плечо, джинсы и белая рубашка подчёркивали модельную фигуру, глаза сверкали, точно драгоценные камни. Но смутило меня не это, а синий платок, повязанный на её шее.

— Ты чего?

Прочистив горло, я отвела взгляд, чувствуя, как печёт кончики ушей и лицо. Выдавить что-то вразумительное я была не в состоянии, поэтому молча указала пальцем на свою шею. Света опустила глаза и неловко ойкнула, поправляя

платок и прикрывая им яркие следы засосов. Очевидно, вчера, уйдя от меня ни с чем, Сергей... У меня чуть было ноги не подкосились от пронзившей грудь боли. Повернувшись к сестре спиной, я вцепилась в столешницу побелевшими пальцами, чтобы сестра не заметила моего состояния. Руки настолько сильно дрожали, что я боялась пролить ароматный напиток на документы.

— Ой, как неудобно! Надеюсь, мама этого не видела, когда мы завтрак готовили, — между тем тараторила Света. Я зажмурилась, мысленно ругая себя за чересчур неравнодушную реакцию последними словами. А чего я, собственно, ожидала? Не могло быть иначе, просто не могло!

Взяв одеревеневшими руками чашку, я улыбнулась как можно правдоподобнее, вновь развернулась к сестре и многозначительно приподняла брови:

— А что она скажет? Ты всё-таки замужняя женщина. — Пытаясь перебить кислый привкус собственного лицемерия и омерзения к Сергею, отхлебнула горький кофе, обжигая пищевод. Света захихикала над подколкой в ладошку, но вдруг сама себя укорила:

— Это понятно, но не в родительском же доме, — тут прыснула и я, потому что представила реакцию родительницы.

— Ну, зная нашу маму, могу предположить, что она бы сказала что-то вроде «будьте сдержаннее и ответственнее», — я нравоучительно выставила вверх указательный палец,

передразнивая мамин тон, стараясь подавить нарастающий зуд за рёбрами. — Хотя, учитывая твою беременность, ответственности вас учить уже поздно.

— Коза, — нахмурившись, погрозила мне сестра кулаком. А после сменила тему: — Ладно, это всё шутки. Но ты так и не ответила, куда собираешься.

— Появились кое-какие дела, — постучала по папке ладонью, улыбаясь загадочно. — У меня вообще может быть личная жизнь?

Сестра тут же подняла в защитном жесте руки, покачав головой.

— Я на твою личную жизнь не покушаюсь. Со своей бы разобраться, — она пожала плечами.

— Разберешься, я в тебе не сомневаюсь, — хмыкнув, отставила пустую чашку на стол и подхватила папку. — Тогда я побегу? Машина ждёт.

— Беги, я помою, — чмокнула меня в щёку она и включила воду. — Удачи тебе!

— Спасибо, — выкрикнула я уже из коридора и сосредоточилась на предстоящем собеседовании, а не на любовных неудачах. Теперь однозначно всё. Страница моей жизни, посвящённая Сергею, дописана. Пора переворачивать и начинать новую главу с чистого листа.

Света дождалась, когда хлопнет входная дверь, поставила чистую чашку в сушилку, вытерла руки полотенцем и

отшвырнула его на стойку. Девушка неспешно поднялась в свою комнату.

Сергей стоял у окна, раздражённо бурча что-то под нос, и пытался завязать галстук. Заметив сияющую от счастья Свету, стиснул челюсти. Жутко хотелось стереть ухмылку с её лица.

Он не осознавал в полной мере, что оградить себя от дрянной женщины и тем более избавиться от неё — невыполнимая задача.

Встав позади мужа, Света вскинула подбородок и с видом победительницы сложила руки на груди.

— А краса-то твоя куда-то ускакала ни свет, ни заря, — голос её так и сочился ядом. — Ещё что-то про свою личную жизнь сказала, представляешь? Неужели уже нашла тебе замену? Не успели вы разойтись, бежит на свидание с каким-то ухажером! Оказывается, сестрица у меня не промах, шустрая. И не так невинна, похоже, как ты полагал.

— Скажи, дорогуша, ты специально меня провоцируешь? — бросив возиться с удавкой по недоразумению названную галстуком, вкрадчиво уточнил Сергей.

— Я? — вытянулось в притворном удивлении лицо барышни. Она провела наманикюренными ноготками по шее Сергея, спустилась ниже и, схватив за лацканы пиджака, притянула его ближе, едва не сталкивая их лбами. Мужчина не сопротивлялся, боясь сорваться и всё же придушить потерявшую берега тварь. — Нет, дорогой, я просто констати-

рую факты, — нежный шёпот коснулся его губ.

Света отстранилась, с особой, издевательской заботой затягивая узел на галстуке.

— Кстати, — направившись к зеркалу, сняла с шеи платок и удовлетворённо улыбнулась. — Весьма неплохо получилось. Ты отлично постарался, — ловя в отражении испепеляющий взгляд супруга, она послала тому воздушный поцелуй. — Видел бы ты Алинкино лицо, когда она это заметила. Так побелела. Я уж было подумала, что в обморок грохнется, — брюнетка подошла к мужу вплотную, ткнув в широкую грудную клетку острым ногтем. — Что бы она тебе ни наплела, девочка по уши в тебя влюблена, — на скулах Сергея заходили ходуном желваки, а на лбу от напряжения вздулась вена. С него словно сдирали живьём кожу, снимали скальп, безжалостно загоняя лезвие в ткани, вспарывая череп и ковыряясь в мозге. Света же упивалась его страданием. Она жаждала доставить ему нестерпимую боль, заставить убиваться обоих — и Алину, и Сергея. — Но ей придётся смириться и уступить место старшей сестре. Потому что ты — мой.

Интриганка элегантно приземлилась на кровать, возвращая платок на шею.

— Тебе самой не противно? — спросил мужчина, становясь смурнее с каждой проведённой наедине с женой минутой. Однако она его чувств не разделяла — напротив, находила всё забавным, точно перед ней разыгрывалась комедия.

— Что именно: то, что ты называешь меня её именем, находясь в моей постели, или что я ношу под сердцем твоего малыша? — едкий смешок сорвался с отравленных женских уст.

— Не понимаю тебя, Света! Тебе что, в кайф иметь то, что принадлежит Алине? — не выдержал закипающий Сергей.

— Конечно. Я получаю от этого даже больше удовольствия, чем после ночи с тобой. Мне нравится, что ты так одержим ею, но не можешь её получить. И вообще я считаю, что она тебя не заслуживает. Ты красивый, сильный мужчина, а она всего лишь сопливая девчонка. Не понимаю, что ты в ней нашёл?

— То, чего в тебе нет: душу.

— Ох, как банально, — девушка всплеснула руками, вскакивая. — Ты же не дьявол, чтобы охотиться за девичьими душами.

— Зато ты, я гляжу, змея, толкающая людей на грех, — он неприятно ухмыльнулся. — И когда-нибудь все это увидят. Тогда тебе будет не до смеха.

— Ты мне угрожаешь? — Света усмехнулась.

— Нет, что ты, только констатирую факты. Ты — змея, которую скоро прижмут.

— Не хами, Серёженька, это очень жалко выглядит. И демонстрирует мне твою беспомощность, — она достала из мини-бара, выполненного в виде глобуса, бутылку крепкого коньяка и присела на край стола, закидывая ногу на ногу. —

Кажется, ты перетрудился. Может, выпьешь, расслабишься?

— Мне пора на работу, — он посмотрел на запястье и вновь бросил предостерегающий взгляд на Светлану. — К тому же из твоих рук я больше ничего не приму.

— Ты так говоришь, как будто я насильно в тебя вливала, — парировала она. — Ладно, не буду отвлекать тебя, дорогой. Езжай, а я по магазинам пройду, отдохну. Чем ещё заняться женщине в свой законный отпуск во время медового месяца? — подхватив сумочку, Света бросила в неё ключи от машины и подошла к Сергею с намерением поцеловать, но он отвернулся, не позволяя. Брюнетка недовольно цокнула. — Хотела пожелать удачного дня, но раз ты не разделяешь моего желания — ничего страшного, как-нибудь переживу, — зашлась весёлым смехом и в самом прекрасном расположении духа покинула территорию дома.

Всё складывалось наилучшим образом. Для неё, разумеется.

Глава 21.

Зря я переживала. Успела приехать вовремя. В запасе ещё десять минут осталось. Их я потратила на любование озеленённой парковой зоны с огромным фонтаном, обустроенной перед бизнес-центром. Само здание тоже выглядело внушительно и стильно: сияющее, высокое, в форме вытянутого шара — явно выделяющееся на фоне рядовых офисов.

Всё же хорошо, что я пришла на собеседование. Если меня возьмут, это будет победой. Здесь я бы работала с удовольствием. Уже представляю, как восхитительно тут на закате или зимой. И теперь я хочу попасть именно в данную компанию.

С таким боевым настроем я вошла в здание. Охрана, стояло мне назвать своё имя, впустила без лишних вопросов. Лифт поднял меня на пятьдесят пятый этаж. Широкий светлый коридор, множество дверей, ведущих в разные отделы. Я зашла в первый попавшийся, чтобы спросить, где найти руководителя. Меня отправили прямо по коридору и уверили, что я не ошибусь. И правда: приёмная моего предполагаемого начальника находилась за стеной из матового стекла. Мимо неё, даже если захочешь, никак не пройдёшь. Наверно, ещё и за счёт узора, нанесённого на панель: глянцевые, горизонтально расположенные волнообразные полосы голубого цвета с логотипом компании и яркой синей надписью

«Lerman Corporation» посередине. Впечатляюще, как и всё здесь.

Я поудобнее перехватила папку, поправила и так идеально сидящее платье и постучала по стеклянной поверхности двери костяшками пальцев.

— Да! — прозвучало изнутри достаточно резкое. Я перекрестилась, вздохнула и вошла.

За столом секретаря сидел молодой мужчина в бордовом костюме. Когда он поднял на меня глаза, я непроизвольно вздрогнула. Незнакомец хмурился, чем внешне напомнил мне Александра Тимофеевича. У него и причёска была та же, только цвет волос отличался: Лерман обладал чёрной, как смоль, шевелюрой, а секретарь — светло-каштановой. А вот глаза — голубые и пронзительные, лицо с правильными чертами и узкими скулами — словно скопировали. Сведённые к переносице брови придавали мужчине особенно угрюмое выражение и добавляли ему лет.

Я сглотнула, крепче прижав папку с документами к груди.

— Здравствуйте! Я... — договорить секретарь мне не дал. Зыркнул оценивающе, склонив голову набок. Отложил в сторону бумаги, сцепил руки в замок и мрачно осведомился:

— Ты новенькая, что ли? — я в замешательстве кивнула. В горле вдруг встал ком. Так пренебрежительно на меня даже в компании отца не смотрели. Я ненароком подумала о побеге — но потом успокоилась и вспомнила, чему нас учили на «Конструкторе карьеры». Вероятно, это стрессовое

собеседование. Непонятно только, зачем со мной подобное проводить. Может, у компании традиция такая? Кто знает. Поэтому я задавила на корню панику, совладала с собой и, храбро встретив пристальный взгляд лазурных глаз, повторно качнула головой. — Чего тогда стоишь истуканом? Кофе сделай мне быстро! — но тут я обалдела в прямом смысле этого слова. Видимо, меня с кем-то перепутали. Или мне повезло столкнуться с типичным грубияном.

Превосходное начало дня!

— Рома! Вообще-то она у нас пока не работает.

Главный недостаток (в моей ситуации) стеклянных дверей — в том, что они закрываются бесшумно. Я так растерялась, что не заметила, как в приёмную вошла девушка.

— И ты здесь никто, чтобы командовать. Так что гонора поубавь. А если хочешь кофе, свари себе сам — не маленький уже. Поверь, там нет ничего сложного: поставил чашку, нажал на кнопку — и готово, — она обошла меня и встала напротив, вопросительно вскинув бровь: — Ты, должно быть, Алина?

— Да, — растянула в вежливой улыбке губы. Девушка в ответ тоже доброжелательно улыбнулась.

Шатенка, как и выше упомянутый Рома, была в брючном комбинезоне бордового цвета. Но, в отличие от мужчины, она источала оптимизм и жизнерадостность. Волосы оттенка молочного шоколада завивались, голубые глаза лучились добротой.

— Вообще-то я устал от перелёта, а мне ещё кучу бумаг нужно разобрать, — пробасил мужчина. Хотя в интонации и промелькнул лёгкий стыд, аргумент прозвучал неубедительно — ни для меня, ни для девушки. Она мне подмигнула, глянув на часы, мол, подожди секунду, разберусь с этим остолопом. Я понимающе моргнула, и девушка развернулась к Роме. Приблизилась к столу и, опершись на него ладонями, нависла над вышеупомянутым типом.

— Ты летел сколько? Каких-то полтора часа. Но устал капец как! — я едва не хмыкнула от её язвительного тона. — К тому же никто тебя не заставлял сразу из аэропорта в офис тащиться. Это не повод по-хамски общаться с нашим потенциальным сотрудником. Хочешь весь контингент таким отношением распугать?

— Если её пугает *такое* отношение, то у нас ей не место, — он разговаривал с девушкой, но глаза, от которых сквозило арктическим холодом, были направлены не на неё — взгляд его пробирал меня до костей. Незаметно поёжившись, я отвернулась к окну, не в силах терпеть незаслуженное пренебрежение. — В таком случае, где дверь, ты знаешь, — это уже было адресовано мне.

Стало до жути обидно. Ничего плохого не сделала, а козлом отпущения всё равно стала. Однако малодушное желание уйти не получило реализации. Периферийным зрением в отражении стёкол я заметила движение: шатенка неожиданно перегнулась через стол, замахнулась и дала мужчине

звучный подзатыльник.

— Ай! Бешеная, что ли! — от того, как изменилось его лицо, из сердитого превратившись в по-детски насупленное, девушка прыснула. Я и сама не сдержала усмешку, торопливо прикрыв рот ладонью, чтобы не рассмеяться в открытую. Девушка была примерно моего возраста, Рома — немногим старше, из-за чего её жест выглядел несколько комично.

— А вот кому тут место и не место, решаешь не ты, Ромочка. Так что... — она пожала плечами, а затем, не обращая ни на кого внимания подошла к двери с блестящей табличкой, на которой значилось «Лерман А. Т.», и поманила меня рукой, ободряюще улыбаясь. Только это и заставило меня отлепить ноги от пола и не смотреть на мужчину за секретарским столом, что упорно прожигал меня негодующим взглядом. Как будто я во всех грехах человечества виновата. Интересно, чем я так ему не понравилась?... — Ты вовремя пришла, Алин, это хорошо. Он очень любит дисциплину и пунктуальность, — отвлекла меня от размышлений девушка. Постучав и не дожидаясь ответа, она приглашающе открыла для меня дверь. Напоследок шепнула: — Удачи!

И это было самое искреннее пожелание, что я слышала. Даже собственная уверенность не придавала мне столько сил, сколько вера незнакомки.

Глава 22.

Едва я переступила порог просторного светлого кабинета, дверь за мной неслышно закрылась. Я расслабилась — спину больше не сверлил пронзительный взор Романа. С души прямо камень свалился, что позволило радостно и звонко произнести:

— Доброе утро, Александр Тимофеевич!

Мужчина поднялся из-за стола, приветливо раскидывая руки.

— Доброе, Алиночка! — галантно отодвинул для меня стул. — Я очень рад, что ты всё-таки пришла. Присаживайся!

— Спасибо, — смущённо опустила глаза в стол, опускаясь на предложенное место.

— Так, давай я пока посмотрю, что ты принесла. А там видно будет. Хорошо? — я согласно кивнула, протягивая мужчине папку. Дрожь в моих пальцах не укрылась от Лермана. — Не волнуйся ты так, — успокаивающе проговорил он, тепло улыбаясь. Я не сочла нужным отвечать. Мужчина усмехнулся, покачав головой, но не стал как-то комментировать моё безмолвие. Сел в рабочее кресло во главе стола и открыл папку. — Оценки у тебя в дипломе отличные. Ты молодец. Рекомендации тоже хорошие, но тут удивляться нечему, верно? А вот это уже интересно, — он поднял

на меня загоревшиеся неподдельным любопытством глаза.
— Ты участвовала в чемпионате по профессиональному мастерству и заняла первое место?

Ой, я и забыла, что на всякий случай вложила диплом с чемпионата. Когда проходила практику, эту бумажку чуть ли в лицо мне не швырнули, поэтому не рассчитывала на то, что Александр Тимофеевич обратит на него внимание.

— Да, — опасливо подтвердила я. Внезапно вспыхнувший интерес мужчины настораживал. — Что-то не так?

— Всё так, — Лерман захлопнул папку и, не скрывая довольства, пододвинул её ко мне. — Этого достаточно. Как-никак, выиграть в подобном мероприятии мог лишь первоклассный специалист. Расскажи мне лучше про чемпионат. Будем считать это твоим собеседованием, — и уставился на меня выжидающе. А вот я к такому повороту не была готова. Думала, мы поговорим о моей компетенции, мне зададут пару вопросов или устроят какое-нибудь испытание...

Я даже растерялась:

— А что рассказывать? — уточнила, вытирая влажные ладони о ткань сарафана.

— Я знаю, что организация соревнования серьёзная и победить в нём ой как непросто, — протянул Александр Тимофеевич так, словно сам принимал в нём непосредственное участие. Мужской тембр был пропитан вкрадчивыми нотками, и создавалось ощущение, что он настроился на мою волну. И в то же время общался со мной тоном настоящего на-

чальника, будто я уже у него работаю и мы на одном уровне профессионализма, что, если честно, подкупает и мотивирует. — Но ты победила. Вот мне и интересно, что вообще там необходимо было делать. Насколько мне известно, вы должны были продемонстрировать все знания, полученные в колледже. Расскажи, что от вас требовалось.

— Ну, если в общих чертах, — робко начала я, но под пытливым взглядом Александра Тимофеевича продолжила увереннее: — чемпионат проходил в три этапа и длился, соответственно, три дня. Каждый день мы выполняли определённый фронт работ. Причём объём задач был рассчитан на полноценный рабочий день делопроизводителя, а нам на то, чтобы с ними управиться, выделяли максимум четыре часа. Было три модуля. Первый — это документирование и документооборот организационно-распорядительных документов, таких как, например, распоряжения, штатное расписание, — Лерман периодически кивал, внимательно меня слушая.

И тут меня осенило. Он не спрашивал о моих умениях, нет. Зацепившись за чемпионат, он дал мне возможность самой поведать обо всём, что я знаю и что использовала на конкурсе — не в теории, а на практике. Ведь в этом состязании мы действительно боролись друг с другом как реальные профессионалы своего дела. И почему я не рассматривала ситуацию под таким углом? Да мне это даже в голову не приходило! Хитрый ход, ничего не скажешь...

— ...Второй модуль, на мой взгляд, был самым базовым: архивоведение, включающее в себя экспертизу ценности документов. Все юристы и делопроизводители, так или иначе, сталкиваются с работой в архиве, поэтому мне это испытание показалось, образно говоря, фундаментальным. Последний модуль тоже был важным и занимательным. Секретарское обслуживание. Задание заключалось в написании доклада начальнику, подготовке документов для командировки. Это и трансфер, и подбор гостиницы, и даже организация досуга. На данном этапе пришлось не только использовать полученные за время обучения навыки, но и задействовать творческие способности.

— Великолепно! — воскликнул с восторгом Александр Тимофеевич, поправив очки на переносице.

Так, обсуждение чемпионата плавно приняло более близкую к стандартному собеседованию форму. Дальнейший разговор протекал проще, потому что Лерман смог-таки разговаривать со мной. И мне было реально интересно с ним говорить.

Многие считают, что делопроизводитель — скучная профессия. Но не я. Мне очень нравится выбранная мной специализация, и Лерман меня в этом поддержал. Я так увлеклась диалогом, что забыла обо всём на свете. И о грубияне в приёмной, и о том, что от решения моего собеседника зависит моя будущая карьера. Вернул меня на землю совершенно неожиданный вопрос Александра Тимофеевича:

— Значит, ты у нас Савицкая Алина. А Максим Савицкий — твой отец? — и так по-лисьи прищурился, что я смутилась.

— Да, он мой отец. А вы что, знакомы?

— Не сказать, что знакомы. Но бизнес, Алиночка, такая штука, что, даже крутясь в разных сферах, всё равно иногда пересекаемся, — туманно ответил он. — Савицкий — честный бизнесмен, да и человек тоже. И я уверен: ты такая же. Стоило мне увидеть твою фамилию и отчество, я твёрдо решил, что возьму тебя к себе, — признание Александра Тимофеевича всколыхнуло в моей душе противоречивые эмоции: с одной стороны, мнение успешного предпринимателя о моём родителе льстило, но с другой — я понимала своё истинное положение. Получить должность в компании Лермана благодаря статусу папы — именно то, чего я не желала всем сердцем... — Но когда я узнал о твоей победе на масштабном конкурсе и когда ты доказала своё мастерство в ходе беседы, я моментально забыл, чья у тебя фамилия.

Глава 23.

— То есть?..

— Я беру тебя на работу не потому, что ты дочь Савицко-го, а потому, что ты — это ты.

Пальцы дрогнули, по предплечьям побежали мурашки. Вне сомнений, Лерман виртуозно разбирается в людях. И всегда знает, как приободрить и вдохновить.

— Спасибо! — выпалила я со всей искренностью, на кото-рую была способна. Мою признательность невозможно было передать словами. И не стоит. Лучшей благодарностью будет не разочаровать чужие ожидания и ответственно выполнять порученную мне работу. — Когда я могу приступить?

Мужчина по-доброму засмеялся. Видимо, моя нетерпели-вость его веселила.

— Если готова, то хоть сейчас, — хмыкнул мой началь-ник. Взгляд светлых глаз вдруг стал серьезным. — Алин, ска-жи честно: вчера что-то произошло, поэтому ты домой не особо торопишься? — Проницательный, как моя мама. Не может же это у меня на лбу большими буквами быть написа-но? Да и по телефону мне вроде бы удалось не выдать своих переживаний.

— Вы правы. Кое-что действительно случилось, — тяже-ло вздохнула я. Если он читает меня как открытую книгу, не вижу смысла врать и начинать отношения с начальником с

откровенной лжи. — Но я вас уверяю: личные проблемы на рабочем процессе никак не скажутся. Мне нужно отвлечься, как вы верно подметили в нашу прошлую встречу. Я хочу чем-то занять мысли, чтобы не было времени на глупости.

— Так кардинально? — Александр Тимофеевич откинулся на спинку кресла, посмотрел испытующе, и я сосредоточенно кивнула. — Тогда мне придётся срочно менять свои планы, — уголок его рта приподнялся в лукавой полуулыбке. — У меня для тебя была припасена одна вакансия, чтобы тебе было легче втянуться и найти общий язык с коллегами.

— Какая? — спросила, потому что Лерман замолк, словно ожидая от меня чего-то.

— Кадровик.

— Угу, — промычала я. С моим дипломом это прям идеальный вариант, но...

— Но раз ты планируешь с головой погрузиться в работу, я предлагаю тебе место моего личного помощника, — цепко следя за выражением моего лица, дополнил мужчина.

Если бы моя челюсть могла упасть, она бы уже валялась на полу от шока. Губы пересохли, и я даже не пыталась их разлепить, чтобы отреагировать, потому что неожиданно растеряла всё красноречие.

О таком я даже в самом смелом сне не мечтала!

— Эта должность и интереснее, и престижнее, чего уж скрывать. Зарплата достойная. Кроме того, значимым преимуществом служит опыт работы в известной фирме. Даже

если решишь уйти от нас на другую работу, тебя возьмут охотно. Но решать, конечно, тебе, — кратко расписал перспективы бизнесмен.

Я пожевала губу. Что мы имеем? Кадровик, в принципе, мне понятен. Это практически тот же делопроизводитель, только в отделе кадров. А вот личный помощник директора компании даже звучит весомо. И интересно — с мужчиной я солидарна. Но. Куда без пресловутого и вездесущего «но»?..

— Александр Тимофеевич, вы извините, но я не понимаю, за что мне такие привилегии? — поёрзала на стуле, нервозным жестом приглаживая юбку, и устремила немигающий взгляд на Лермана. — Вы и так пригласили меня на собеседование, приняли на работу. Вы сделали для меня больше, чем кто-либо. И я была бы рада любой должности, клянусь. Но личный помощник... — Я задумалась, подбирая более подходящее определение. — Это слишком заманчиво и невероятно звучит. Инстинктивно ждёшь какого-то подвоха.

Разумеется, я и про собеседование думала то же. Но мои опасения были небеспочвенны. Я не настолько наивна, чтобы забыть прописную истину: бесплатный сыр бывает только в мышеловке.

— На самом деле, всё это лишь звучит красиво, — механически перебирая канцелярские принадлежности, возразил Александр Тимофеевич. — По сути, личный помощник — тот же секретарь, но с большим количеством обязанностей. А по поводу того, почему я предложил тебе эту

должность... Тут всё гораздо проще. «Lerman Corporation» — крупная международная компания, специализирующаяся на грузоперевозках. Основная масса нашей работы состоит из вывоза товаров по воде за границу и ввоза из-за рубежа. Экспорт, импорт для государственных нужд. Улавливаешь? — Я отрицательно мотнула головой. Слова знакомые, а смысл как-то ускользает. — У нас немало врагов, милая. Хотя, откровенно говоря, составить нам конкуренцию сложно и реальных соперников по пальцам можно сосчитать — раз, два и обчелся. В чём причина? Мы соблюдаем определённые меры безопасности. В компании приличный штат сотрудников, но нет случайных людей — только проверенные и доверенные. Однако, несмотря на уверенность в каждом из них, ни одного я не могу без колебаний взять на должность личного помощника — потому что любого можно обработать, подкупить и переманить. — О да, от отца я это тоже частенько слышу. Пусть я в бизнесе не разбираюсь, но даже дурак понимает, что верность недолговечна и пользуется спросом на современном рынке. — Сейчас место моего секретаря занимает единственный человек, которому я могу полностью, безоговорочно доверять, — между тем продолжал Александр Тимофеевич. Хама из приёмной имеет в виду, что ли? — Зайди ко мне, — произнёс мужчина, коснувшись кнопки переговорного устройства. А я напряглась, потому что ещё раз встретиться с тем неандертальцем не хотелось.

Дверь открылась, и я, не удержавшись, порывисто обернулась. Вопреки логике, на пороге стоял не Рома, а девушка, которая дала ему подзатыльник.

— Что-то случилось? — спросила она, проходя в кабинет.

— Ничего срочного. Просто хочу познакомить тебя с новым работником. — Лерман поднялся из-за стола и обратился ко мне: — Алиночка, позволь представить тебе Амелию, мою дочь...

Глава 24.

Встав следом за женщиной, я повернулась вполоборота к Александру Тимофеевичу — так, чтобы видеть обоих. Теперь, зная, что девушка, с которой я встретилась ранее, приходилась моему начальнику дочерью, я обнаружила схожесть их черт. Особенно выделялся взгляд: выразительный и проникновенный.

— Можно просто Амели, — обратилась ко мне девушка, протягивая руку.

— Алина, — я с удовольствием приняла рукопожатие.

— Очень приятно познакомиться!

— Взаимно! — моя улыбка была искренней, и Амелия незамедлительно её отразила. Затем она перевела глаза на отца:

— Рада, что в нашем сплочённом коллективе появится такой человек, как Алина! Могу я узнать, в качестве кого?

Вот и меня этот вопрос волновал. Интересно, что постановило начальство — я-то вразумительного ответа не дала.

— В качестве моего личного помощника, — поставил точку Лерман. Я хотела было возмутиться, но он предостерегающе вскинул ладонь, останавливая: — Алиночка, я понимаю, что тебе требуется время на раздумья, но ситуация не оставляет нам выбора. Работа — прежде всего. В этом секрет успеха и процветания фирмы. Я вижу, что ты не уверена,

поэтому решил тебя подтолкнуть. Давай сделаем так: первую неделю испытательного срока будешь моей помощницей; не устроит — отправишься в отдел кадров. Идёт?

Я посмотрела на Амелию. Девушка слегка дёрнула подбородком, мол, не трусь, попробуй — ничего не теряешь.

— Идёт. Но я не понимаю, зачем я нужна, если у вас уже есть человек на эту должность? — И ведь правда. Кому, как не собственному ребенку, доверяешь безусловно?

— Позволь я поясню? — Амели подняла руку, как в школе, дождалась кивка от Александра Тимофеевича и заговорила: — Я работаю секретарём, поскольку отец не может найти мне достойную замену. Но, если углубляться, это немного не мой профиль, — тут она такую забавную рожицу скорчила, что я, не удержавшись, выпустила смешок. — Я учусь на юриста, поэтому, пока идёт практика, спокойно помогаю отцу с делами. А когда начинается учёба, опять приходится оставлять его одного со всеми проблемами.

— Да, — подтвердил мужчина, привлекая мое внимание. — Подобрать кандидата на место Амелии мне крайне тяжело, потому что, размещая объявление на официальном сайте, нельзя быть на сто процентов уверенным что отзовётся на него не засланец, только и мечтающий выведать все тайны компании. А ты, Алина, человек незаинтересованный. И я не сомневаюсь, что тебя не подослали наши конкуренты, — он хохотнул. Согласитесь: маловероятно, что конкуренты Лермана специально отправили меня на мост нетрезвую, чтобы

я уломала его предложить мне работу. Ну это же бессмыслица! Что-то из раздела фантастики! — Ещё вопросы?

Я отрицательно помотала головой.

— Вот и прекрасно. А где Рома, кстати? — спросил у дочери.

— Уехал на встречу с инвесторами, — отмахнулась Амелия и сморщила миниатюрный нос. — Он же только с самолёта — психует, как всегда, что всё идёт не так, как он планировал. Сегодня в офис вряд ли вернётся.

— Угу, — задумчиво протянул Лерман. — Ну, может, это и к лучшему. Но, если вдруг появится, отправь его ко мне.

— Конечно, — сбросив маску несерьёзности, вмиг подобралась девушка. Оттого, что обсуждение коснулось её непосредственных обязанностей? Уважаю. Умение разделять личное и рабочее — ценное качество.

Фирма Лермана мне определённо импонирует больше, чем компания отца.

— Ладно, с этим разобрались, — мужчина сел в кресло. — Тогда, Амелия, объясни Алине, что к чему, и подготовь договор. Детали обсудите сами. Потом принесёшь мне на подпись. Всё, свободны, мне тоже работать нужно, — и демонстративно отвернулся к своему компьютеру, тем не менее не переставая улыбаться.

— Поняла, — кивнула шатенка и так невозмутимо подхватила меня под локоть, что я даже опомниться не успела, как мы очутились в приёмной. Наверно, на то и был расчёт:

чтобы не передумала. Хотя куда я, блин, уже денусь?

— Садись, — она выпустила меня только у компьютерного стула, на который я покорно плюхнулась. — Хочешь чего-нибудь? Мы тут надолго, поэтому советую не отказываться, — а Амелия со своей прямолинейностью мне тоже симпатизирует. Она ещё с такой невозмутимостью ко всему относится. Хотя выглядит очень уверенно, как будто намного старше меня. — Чай? Кофе?

— Кофе чёрный, если можно, с одной ложкой сахара, — застенчиво пробормотала, наблюдая, как дочь моего начальника ловко орудует кофемашиной в оборудованном под кухню уголке.

— Ты сильно не пугайся тому, как отец ведёт дела. И лучше не сопротивляйся. Поверь, он знает, что делает, — вдруг произнесла девушка, стоя спиной ко мне. — У него чуйка на работников, да и в целом на людей, — в этом я уже убедилась. Но вот как она поняла, что именно меня тревожит? Похоже, пословица не врёт — яблоко от яблони недалеко падает.

Поставив передо мной чашку, Амелия расположилась с другой стороны рабочего стола.

— Да, я заметила, — я вдохнула аромат крепкого свежесваренного кофе. Призналась честно: — Просто я не привыкла к такому.

— Очень хорошо тебя понимаю. Но со временем ты приспособишься, — весело заявила она, будто знала наверняка.

ка, что это произойдёт. Я так уверена не была, но промолчала. — Что ж, приступим к составлению договора, — шатенка тряхнула копной каштановых волос и вытащила мобильный телефон из кармана комбинезона, закидывая ногу на ногу. — Сейчас я тебе обрисую все особенности деятельности личного помощника гендиректора. Если тебе что-то не понравится, я внесу поправки. А когда закончим, ознакомишься с конечным вариантом договора. Готова? — Я кивнула. — Отлично! — Девушка уставилась в смартфон: — Начнём с графика работы: он у тебя максимально ненормированный. Серьёзно, я не шучу, — предупредила она без тени веселья. И мне сразу стало понятно, почему Александр Тимофеевич настоял на этой должности, после того как я сказала, что хочу с головой уйти в работу. — Рабочий день, как и у всех сотрудников, начинается в девять утра, но вот завершается не в шесть, а, как правило, около девяти часов вечера. В субботу и воскресенье ты отдыхаешь. Но поскольку отец работает вообще непрерывно, ты можешь понадобится ему и в выходной. Для него компания — вся жизнь. Поэтому график загруженный — и у него, и, само собой, у его помощника. Все переработки и затраты, естественно, компенсируются. Водитель компании каждое утро будет забирать тебя из дома, а в конце рабочего дня — отвозить обратно, — справедливо и очень удобно. — Есть моменты, которые хочешь изменить?

— Пока всё устраивает, — мой ответ очень удивил Аме-

лию.

— Хм, а отец, похоже, в тебе не ошибся. У нас обычно в этом плане проблема при подборе кандидатуры возникает: никто не готов столько работать — даже за большие деньги, — я уловила в её словах немой вопрос: почему я согласилась с такой легкостью? Однако сделав вид, что не поняла намёка, просто пожала плечами. — Окей, едем дальше. Английский язык хорошо знаешь?

— В совершенстве. — Я улыбнулась и без лишней скромности сообщила: — Я два года училась в Англии в пансионе для девушек, так что практики было много.

— Ого, впечатляюще, — ага, поэтому я особо это не афиширую. — Иногда тебе придётся присутствовать на встречах с иностранными партнёрами отца, где может не быть переводчика. В таком деле владение языком — это всё же преимущество, а не недостаток, согласишься? Тебе не нужно будет вмешиваться, только внимательно слушать и записывать, а то папа может что-то упустить, — я согласно уткнула, и Амелия озвучила ещё парочку пунктов. Девушка предлагала подстроить их под себя, но я отказалась. Поэтому она распечатала договор, я внимательно прочитала, подметив, что условия труда более чем благоприятные. Если и начинать с чего-то карьерный путь, то компания Лермана — оптимальный вариант. И сейчас меня отделяет от работы мечты всего одна подпись.

Глава 25.

Я ещё раз пробежалась глазами по строчкам документа, взяла ручку со стола и вопросительно посмотрела на Амелию:

— Могу подписывать?

— Конечно. Но сперва — соглашение о неразглашении конфиденциальной информации, — девушка присела на краешек стола и положила передо мной ещё один лист бумаги, глянув на меня так, будто ждала, что я вот-вот брошусь прочь. Но я развеяла её опасения, оставшись сидеть. И Амели незаметно выдохнула. — Это необходимо. Должность личного помощника руководителя фирмы обязывает тебя быть в курсе всех его телодвижений и обеспечивает доступ к большинству засекреченных данных. А это и коммерческая тайна, и служебная, и профессиональная, а иногда даже государственная — с учётом специфики деятельности компании.

— Я понимаю, — пододвинула соглашение ближе. — Александр Тимофеевич мне уже рассказал, что вы делаете всё возможное для своей безопасности. И я осознаю ту ответственность, которую беру на себя, подписывая с компанией трудовой договор.

— Замечательно! — девушка сразу расслабилась, спрыгивая со стола. — Ты извини, что я так на тебя давялю. Просто

я знаю, как важна для отца его работа. Когда речь заходит о ней, он предельно собран и до жути требователен. И он бы не захотел взять тебя на эту должность, если бы не был уверен в тебе. Я в тебе почему-то тоже уверена, хотя разбираюсь в людях похуже отца, — она прикусила губу, подбирая верные слова. — У тебя взгляд такой искренний.

— Спасибо, — комплименты от почти незнакомых людей мне нечасто приходилось слышать, поэтому запунцовела я до корней волос. — Неожиданно, — прокашлявшись, я подписала соглашение и вручила его Амелии.

— Не удержалась. — Шатенка с улыбкой забрала бумагу и дёрнула подбородком, указывая на другие: — Давай, ставь свой автограф на договоре, и я пойду отдавать отцу, — нетерпеливо проговорила она, вызвав на моём лице ухмылку. Но подпись на двух экземплярах я всё-таки черкнула. — Несколько минут посиди, передохни. Вернусь — и приступим к работе.

— Хорошо, — полетело ей вслед.

Откинувшись на спинку кресла, я осмотрела своё рабочее место.

Два чёрных лаковых стола были приставлены друг к другу, образуя фигуру в виде буквы Г. На одном из них стоял компьютер, усеянный разноцветными стикерами с какими-то записями, выполненными красивым каллиграфическим почерком. Рядом располагался стационарный телефон с селектором и клавишами для быстрого набора, а также маленький

отрывной календарь с логотипом компании и несколькими обведенными синей ручкой датами. Сегодняшнее число было выделено карандашом. На втором столе лежали аккуратные стопки бумаг и пара толстых папок.

Только слепой бы не заметил педантичную аккуратность. И мне это очень понравилось — ничего лишнего, всё безупречно чисто, даже на поверхности монитора я не обнаружила пыли. Было видно невооружённым глазом: здесь трудится человек, увлечённый своим делом. Надеюсь, я смогу сохранить этот порядок в первозданном виде. А может, смогу и приукрасить, добавить что-нибудь от себя, чтобы привнести капельку тепла и уюта этому местечку. Мне кажется, оно будет очень кстати. Всё так минималистично, сурово — невозможно работать в настолько холодной атмосфере и не сойти с ума. Не увязнуть в рутине, уподобившись сурку, у которого каждый день ничем не отличается от предыдущего. Кхм, что-то я разошлась.

Не торопитесь, Алина Максимовна, для начала переживите неделю испытательного срока, а потом уже мечтайте. Мысленно усмехнулась, вновь прислушиваясь к голосу разума. Что бы я ни говорила, мне чертовски повезло. И кабинет просторный и светлый благодаря панорамному окну во всю стену. А шикарный вид на Неву мог примирить с любыми минусами. Даже меня.

— Алинка, знаешь что?

Вздвогнув от звонкого щелчка Амелии, раздавшегося у

кабинета Лермана, разрывая тишину, я обернулась:

— Что?

— Обычно при приёме на работу принято в красках расписывать все свои таланты, особое внимание уделяя знанию иностранных языков, — жирно подчеркнула последнюю фразу она.

В ответ я закатила глаза и отвернулась к окну, пропев:

— Какое сегодня небо голубое, — и сразу получила по голове вторым экземпляром договора. Пригнувшись, негромко хихикнула: — Ладно-ладно, буду иметь в виду на будущее.

— Никакого будущего, — вторила моему смеху Амелия, потрясая в воздухе листом. — Ты теперь наша!

Выхватив у неё копию, я убрала документ в папку. Изнутри взметнулось желание возразить, но я его подавила. Ведь Амели права: я теперь их сотрудник.

— И какие наши дальнейшие действия? — осведомилась я, и лёгкость в её поведении мгновенно сменилась деловой серьёзностью.

— Отец приставил меня к тебе на время твоего испытательного срока, чтобы я всему тебя обучила. С этого и начнём.

— В таком случае чего же мы ждём?! — нетерпеливо воскликнула.

— Одобряю твоё рвение, — придвинув ко мне кресло для посетителей, девушка включила компьютер. — Так, смотри.

На рабочем столе должно быть лишь то, что связано с работой, — я кивнула, и она ткнула пальцем в монитор, указывая на папку. — Это наш цифровой архив, в котором хранятся практически все документы. Отец может потребовать их в любое время. Вход в архив осуществляется по паролю, который я напишу тебе чуть позже, — Амели поднялась, махнув мне рукой, чтобы я следовала за ней.

Мы вышли из приёмной, и девушка указала в конец коридора.

— А там у нас находится бумажный архив, содержащий документы, которых нет в электронном виде. Они представляют исключительную ценность для компании — поэтому допуск в архив есть только у отца, у меня и теперь будет у тебя, — Амелия вытащила из кармана комбинезона белую пластиковую карту и протянула мне. — Этот электронный пропуск открывает двери в архив, приёмную и в кабинет начальника — на всякий случай. Ну и для турникета на входе он тоже подходит, — я взяла карточку, ощущая приятную тяжесть возложенной на мои плечи ответственности. Мне доверили важную миссию, а значит, бояться некогда. Я справлюсь с ней во что бы то ни стало. — Если хочешь, можем сходить в архив, я тебе всё покажу. Папе мы до вечера точно не понадобится.

— Пойдём.

В архиве мы просидели довольно долго, поскольку бумаг за всю историю компании накопилось немало. Стеллажи

стояли ровными рядами, документы на них были идеально рассортированы. Мечта делопроизводителя, а не архив! Копаться в нём — сплошное удовольствие. Боюсь представить, сколько сил сюда было вложено.

Мне было интересно абсолютно всё, поэтому и проторчали мы там не менее двух часов. Амелия надо мной посмеивалась, но не мешала, позволяя утолять неуёмное любопытство.

Вернувшись в приёмную, мы вновь сели за компьютер. Моя куратор обозначила ключевые моменты. Остальное мне предстояло усвоить самостоятельно — в процессе работы.

— Так, вот ещё что, — Амели вручила мне ежедневник. — Здесь собраны все мои практические наработки. Будешь использовать записи в качестве шпаргалки — быстрее втянешься. По поводу твоих обязанностей: конференции, совещания и тому подобное планируешь и организовываешь ты. Сопровождаешь отца на встречах и присутствуешь при подписании различных бумажек с клиентами и партнёрами по бизнесу, если возникнет необходимость. Как личный помощник, ты должна в буквальном смысле стать тенью моего отца.

— Поняла, — именно такой нагрузки мне и не хватало. И развитый мной за время учёбы навык многозадачности пригодится. — А что насчёт командировок?

— Могут быть, но нечасто, — потянувшись, Амелия направилась к кухонной зоне, чтобы заправиться кофе. — У

тебя, кстати, загранпаспорт есть?

— Есть, а что? — обхватила ладонями чашку, от которой поднималась струйка ароматного пара.

— В другие страны командировки тоже предусматриваются, — мои вскинутые брови заставили её усмехнуться. — Да-да, я пару раз в Париж с отцом летала.

— А нет варианта как-то откосить? — от единственной пришедшей в голову формулировки я поморщилась. Амелия же недоуменно нахмурилась:

— Почему?

— Не знаю. Просто по работе я никогда никуда не ездила, — отхлебнула горький напиток.

— Значит, пришло время начать, — усевшись обратно, девушка мечтательно произнесла: — На самом деле это круто. Занимаешься привычной работой, но бонусом получаешь возможность повидать мир. Причём без каких-либо личных расходов — все траты компания берёт на себя. Грех от такого отказываться!

— То есть отказаться всё-таки можно, — аккуратно заключила я, но, напорвшись на воинственный взгляд шатенки, вмиг сдулась. — Ну нельзя так нельзя.

Допив кофе, мы принялись составлять для меня расписание. Увлеклись настолько, что, поглощённые обсуждением, пропустили появление в приёмной Ромы. Потому едва не подпрыгнули, когда наш разговор бесцеремонно перебили презрительным:

— Новенькая, а тебя не учили, что при входе начальства нужно вставать или хотя бы здороваться?

Глава 26.

От неожиданности я оторопела. По инерции хотела вскочить и вытянуться в струнку, но меня остановила Амелия. Её ладонь с нажимом опустилась на моё плечо; нахмурившись, девушка решительно выпрямилась:

— А чего это ты раскомандовался, Ромочка? — с вызовом сложив руки на груди, сузила глаза она. — Руководство у Алины только одно, и ты им не являешься. Следовательно, и вставать, когда ты заходишь, она не обязана. К тому же в регламенте подобного правила не прописано, и мы здоровались с тобой ещё утром. Так что утомонись в конце концов и перестань выставлять себя неотёсанным мужланом в первый рабочий день нового перспективного сотрудника! Понимаю: особого уважения к девушкам ты не питаешь, но хотя бы мне можно было сделать исключение и не устраивать сцен.

Фразеологизм «не в своей тарелке» сейчас невероятно точно подходил к описанию моего состояния. Казалось, я стала невольным свидетелем ссоры возлюбленных. Неловкость зашкаливала, окутав меня плотным коконом...

Между тем, очевидно, не обращая никакого внимания на моё замешательство и в целом присутствие, Амели продолжала с пылом отчитывать мужчину:

— Ты здесь без году неделя, а мне уже противно от твоих высокомерных взглядов и отвратительного поведения. Не

ожидала от тебя такого! — и столько разочарования сквозило в её голосе, что даже меня окатило стыдом. Однако Рома, похоже, был сделан из другого теста:

— Амелия! — пропустив мимо ушей нотацию шатенки, рывкнул он предупреждающе и шагнул к нам с явным намерением придушить, на что девушка в отчаянии всплеснула руками.

— С тобой невозможно разговаривать! — и насупилась, буркнув: — И вообще... Тебя отец ждет.

— Я в курсе, как раз к нему и пришел, — на порядок спокойнее отозвался мужчина. На меня при этом старался не смотреть.

— Вот и прекрасно! Иди куда шел и, будь добр, без своих обычных закидонов! — она махнула на кабинет отца и, дождавшись, пока Рома отойдёт, добавила тише, ни к кому конкретно не обращаясь: — Чего прицепился, спрашивается?..

Рома никак не ответил. Лишь когда он скрылся за дверью кабинета Лермана, я выдохнула с облегчением и отважилась шепнуть:

— А кто это?

Амелия несколько минут молча прожигала дверь взглядом, будто хотела испепелить мужчину через неё. Потом тяжело вздохнула и перевела на меня глаза.

— Это? — она прикусила губу, глянув на наручные часы, и свела к переносице аккуратные брови, задумавшись. А

затем внезапно потянулась к телефону, стоящему на столе, нажала на кнопку и наигранно бодро поинтересовалась: — Пап, мы с Алиной сходим пообедать?

— Идите, — прозвучал короткий ответ из динамика — тоном, как и прежде, доброжелательным. Значит, Рома решил испортить настроение только нам. Странно. И тревожит его избирательность не только меня, но и Амелию, судя по её напряженному лицу.

— Тут есть одна неплохая кафешка, — натянуто улыбнулась девушка, пытаясь разрядить обстановку. — Пойдем перекусим, и я тебе расскажу кое-что, чтобы ты не воспринимала высказывания Ромы близко к сердцу, хорошо?

Мне не оставалось ничего, кроме как согласиться. Да и желудок уже подавал недвусмысленные сигналы. Мы спустились на три этажа вниз и устроились в уютном ресторанчике, в котором, даже несмотря на обеденный перерыв, было совсем немногочисленно. Столик выбрали в отдалении от остальных, чтобы никто не мешал. Мы сделали заказ. Пока он готовился, нам принесли по стакану воды. Амелия тут же отпила немного и раскаянно промолвила:

— Алин, ты извини, что так получилось, ещё и в твой первый день. Мне действительно очень стыдно, что Рома тебе нагрубил. Пожалуйста, не принимай это на свой счет — он со всеми девушками так себя ведет. Иначе попросту не умеет, — она неловко дёрнула плечами.

— Тебе не за что извиняться, Амелия, — заверила я. —

Не ты же мне хамила.

— Да, но я знаю Рому как облупленного. Он, даже если виноват, извиняться не будет, — Амели сокрушенно мотнула головой, не в силах подобрать подходящих слов. И это меня удивило, поскольку десятью минутами ранее она дала Роману достойный отпор. Такая бойкая девушка — и не может чётко сформулировать мысль? — Хотя должен.

Я уставилась на Амелию в немом вопросе, видя, что она не может набраться смелости сообщить мне нечто важное. Наконец, она собралась с духом и выпалила скороговоркой:

— Рома — гордость моей семьи. И мой старший брат.

— Брат? — недоверчиво переспросила, хотя это и было излишним: когда впервые увидела Рому, я сразу заметила осязаемое сходство мужчины с уже знакомым мне тогда Александром Тимофеевичем. — У вас совершенно разные характеры.

— О да, это точно, — усмехнулась Амелия, откидывая волосы за спину и наклоняясь ко мне ближе. — На самом деле Рома не всегда был таким. За его колючками кроется боль. В нашей семье стряслась беда, из-за которой брат замкнулся, отгородившись от окружающих, а отец помешался на работе. Она на обоих сильно повлияла. Просто один выбрал загрузить мозг делами, а другой — быть циничным.

— Что произошло? — мной овладело жгучее любопытство. Я же ещё в отеле догадывалась, что за мудростью Лермана стоит какая-то драма. Он говорил так, будто прочув-

ствовал предательство на собственной шкуре. Неужто попала в точку?.. И тут я одёрнула себя: — Если мой вопрос, конечно, уместен. Это ведь личное, поэтому я пойму, если ты мне не ответишь.

На карамельных губах Амелии появилась ухмылка.

— Ну, раз мой братишка тебе нахамил, то тебя наша семейная тайна касается напрямую, — она проводила глазами прошедшего мимо официанта. — К сожалению. И я не могу оставить всё как есть. Каким бы Рома ни был, он мой брат, и я бы не хотела, чтобы у тебя сложилось о нём нелестное мнение.

— Я и не собиралась никакого мнения о нём составлять, а уж тем более нелестного, — заливаясь краской, соврала я. Разумеется, мне не понравилось то, как мужчина со мной обошёлся. Пусть он сын хозяина компании, в которой я теперь работаю, но это не наделяет его правом командовать мной или помыкать. Однако расстраивать Амелию ещё больше было бы верхом бесчеловечности, так что я как можно убедительнее сказала: — Просто его агрессия застала меня врасплох. Повода-то я не давала.

— Роме и не нужно его давать, — недовольно протянула Амелия. — А вообще, ему не следует общаться в подобной манере ни с кем из сотрудников. Поэтому, если вдруг такое повторится, не бойся осаживать моего зарвавшегося братца!

— Надеюсь, не повторится, — иначе долго я не протяну — добавила мысленно. — Да и каким образом я буду отра-

жать его нападки? Он ведь сын моего начальника.

— И что? — удивленно захлопала ресницами Амелия; в ответ я иронично вскинула бровь. — Окей, будь по-твоему. Но, по сути, тут Рома никто, соответственно, ты можешь не переживать по этому поводу и смело ставить его на место.

— Как это «никто»? — я окончательно запуталась. Сын Лермана не обладает никакими полномочиями в отцовской компании?

— А вот так. — Амелия развела руками и на мой озадаченный взгляд пояснила: — Рома не работает здесь — у него своя фирма в Москве. Кстати, сегодня он прилетел оттуда, чтобы провернуть какую-то совместную сделку с папой.

— Понятно, — полученная информация не укладывалась в моей голове — если честно, я бы никогда не подумала, что мужчина столь молодого возраста возглавляет собственную компанию. — А не возникает путаницы с фамилией? Или Рома не Лерман? Или у него иная сфера деятельности?

— Лерман, конечно. И путаница не редкость, ты права. Но Ромка с папой всё так устроили, что по бумагам контора в Москве является филиалом нашей компании. А по факту брат шёл к успеху своими силами — без помощи отца. Поэтому у нас он только гость, не более.

— Ясно. Но у меня всё равно не получится как у тебя. Где родная сестра и где чужая девица? К тому же я не такая бесстрашная...

— Позволишь ему ноги о себя вытирать? — прищурив-

шись, поинтересовалась девушка.

— Не позволю, но вряд ли он будет меня слушать, — спра-
ведливо парировала я.

К нашему столику подошла официантка с подносом, и мы прервались на обед. Готовили в заведении вкусно, что под-
няло мне настроение. Но даже это не смогло отвлечь от мыс-
лей о Лермане-младшем:

— А почему твой брат решил уехать?

— Не мог находиться в этом городе, — допив чай, Амелия
отставила чашку в сторону. — Всё из-за нашей матери, —
она вновь подалась вперёд, понизив голос до едва различи-
мого шёпота. — Я поделюсь с тобой нашим секретом лишь
потому, что ты, в силу своих обязанностей, будешь часто пе-
ресекаться с Ромой, а значит, должна быть готова к его за-
скокам. — Амелия воровато оглянулась, будто боялась, что
брат может прятаться где-то рядом, и сбивчиво продолжила:
— Ромка ненавидит женщин, потому что главная женщина в
его жизни разбила ему сердце. Это случилось давно, но след
остался глубокий, — шатенка грустно улыбнулась; в глазах
её блеснули слезы. — Мама бросила нас и укатила куда-то с
богатым любовником, променяв на него семью.

Глава 27.

— Это... ужасно, — выдавила я, не находя других слов.

— Да, но самое ужасное не это, — опершись о стол локтем, Амелия подперла ладонью подбородок и отвернулась. В её речи тонко прорезалась надтреснутость: — Мы с Ромой до последнего не подозревали, что у мамы кто-то есть. А вот отцу было известно о её похождениях изначально, — по побледневшей щеке покатилась слезинка. — Он знал и ничего не говорил нам. Потому что наши чувства для него всегда были превыше всего. Папа понимал, что дети должны расти в полной семье, что им нужна мама. Пусть даже такая, — девушка зло усмехнулась. — Папа безумно её любил, а она всю их супружескую жизнь по мужикам бегала. Да, я могла бы оправдать её неверность тем, что брак был по расчету, но у матери была возможность отказать отцу. Однако она не отказала — захотела роскоши и получила её. А папа мучился, терпел её бесчисленные измены, чтобы не травмировать нас. Мы были его спасением.

— Но в итоге они всё-таки разошлись? — От её исповеди у меня кольнуло в груди.

Я была уверена, что Александр Тимофеевич никогда бы добровольно не причинил своим детям боль. Отчего же всё вышло иначе?

— Мать вынудила, — пряча лицо за занавесью кудрявых

волос, с горечью ответила Амелия. На столик закапали солёные капли. — Ромке тогда было шестнадцать, мне — семь. В тот злополучный день я была на занятиях в школе, а Ромка решил прогулять уроки. Пришел домой и увидел, как мама собирает вещи, — она шмыгнула носом, судорожно вздохнув, и я, не выдержав, пересела на диванчик с её стороны и крепко обняла, выражая всем своим существом поддержку. — Она ему всё и высказала. Что отца нашего не любила никогда, что нас родила исключительно потому, что отец детей хотел. Что мы ей всю жизнь сгубили и что она с радостью уходит к другому. А Ромка ведь подростком был — сложный возраст, особенно для мальчика. Ума не приложу, как бы я отреагировала, если бы слышала то, что ему пришлось выслушать. Брат же разозлился, разорвал все фотографии, на которых она была запечатлена, и заперся в комнате. Отцу пришлось выбивать дверь, чтобы его вытащить. Ромка сначала долго молчал, а потом отец не придумал ничего лучше, чем отправить его учиться в Англию. И, признаться, переезд действительно помог ему восстановиться, но женщин он с тех пор презирает. Неосознанно, скорее рефлексивно.

— А как же ты? — спросила я сочувственно, наблюдая за тем, как Амелия вытирает салфеткой мокрые щеки.

— Я узнала правду позже. Отец не хотел, чтобы я переживала, поэтому на мой вопрос «Где мама?» солгал, сославшись на внезапно возникшие у неё неотложные дела за границей. Будучи маленькой, я не могла взять в толк, почему

брат внезапно от меня отдалился и начал избегать, почему мама уехала, не обняв меня на прощание, и почему отец постоянно грустит, — Амели говорила с такой щемящей тоской, что у меня сжалось сердце. Страшно представить, через что судьба заставила пройти её семью. Меня поражало и восхищало, как она не сломалась, стойко преодолела подножку судьбы, став сильной и жизнерадостной — несмотря ни на что. — Когда мне открыли глаза, не было времени осознать суровую реальность... Мне пришлось резко повзрослеть — потому что впавшему в депрессию отцу требовалась забота. Наследник сослан в Англию, а дочь каждой черточкой и жестом напоминает любимую женщину, которая предавала его раз за разом, отравляя его бескорыстную и чистую любовь, и в конце концов просто-напросто бросила, наплевав на всё. Папе было хуже, чем нам, поэтому мы сплотились, пытаюсь превозмочь общую потерю, опирались, цеплялись друг за друга, чтобы не сойти с ума. Именно потеря матери сблизила меня с папой. Как сейчас помню наши душевные разговоры... Они помогли понять, что и без мамы мы справимся. А потом вернулся Ромка, и пришлось заново выстраивать отношения с ним, — она издала смешок. — Но я быстро нашла к нему подход. Так сказать, научилась взаимодействовать с обновленной версией брата. — Воспоминания прошлого отражались в её затуманившемся взгляде. — Понимаешь, Алина, с ним надо пожёстче. Лишь тогда до него доходит, как он бывает не прав.

— Подзатыльник тоже может вправить мозги, — хихикнула я, чтобы сбить флёр печали и разочарования, нависший над нами свинцовой тучей. Банальное «Мне жаль» ничего не изменит, наоборот, только усугубит её состояние. Амелия всё ещё болезненно откликается на тему матери. Оно и понятно: удар пришёл не от какой-нибудь родственницы или близкой подруги — а от той, что подарила жизнь.

— Точно! — Амелия высвободилась и слегка отстранилась, заглядывая мне в глаза. — Спасибо, что выслушала. Надеюсь, теперь ты отнесёшься с пониманием к выходкам Ромы. Я, конечно, поговорю с ним и отца попрошу, чтобы повлиял на него как-то. Но, зная нашу семью, уверена: пользы от этого будет мало. Ромка упрям как осёл. Его нереально склонить к отличной от его точке зрения — иначе я бы переубедила его раньше. Но тут и подзатыльник не всегда срабатывает, так что не могу тебя заверить, что мои усилия принесут какие-то плоды.

— Я всё понимаю. Если твой брат будет перегибать палку, молчать не буду.

Чего и стоило ожидать от Амелии, она улыбнулась и одобрительно покивала:

— Правильная позиция. Может, хоть у тебя получится перевоспитать моего невыносимого братца. Поскольку работник ты новый и независимый, рычагов давления у него на тебя ещё не появилось. А вот ты отныне в компании значимая особа. Пользуйся своим положением...

— Не торопись, Амели. Испытательный срок никто не отменял, — с напускной строгостью притормозила её я. Но де-вушка не восприняла мои слова всерьёз, легкомысленно отмахнувшись.

— Испытательный срок — пустяк и формальность. Я уверена, что ты со всем справишься. — Подмигнула и веско дополнила: — К тому же у тебя есть я. Со мной ты здесь не пропадёшь.

— Ох, вот в этом я не сомневаюсь, — прыснула со смеху я. Амелия действительно никому не даст меня в обиду, даже собственному брату. А пока бояться мне стоит только его.

— Ну раз сомнений нет — выдвигаемся! У нас ещё много работы, — и, бодро хлопнув себя по бёдрам, моя наставница решительно встала.

Глава 28.

Вернувшись в офис, я заняла уже привычное место за столом секретаря. Амелия же подошла к кабинету отца и приглушённо сообщила:

— Схожу на разведку.

Я качнула головой в знак согласия и вернулась к изучению ежедневника Амели — своеобразного личного планера, где она по минутам расписывала каждое своё действие. Крайне удобно и эффективно. Я даже сделала в этом блокноте несколько заметок на будущее — на всякий случай, чтобы ничего не упустить.

— Всё хорошо, — Амелия бесшумно вышла из кабинета отца, и я опять дёрнулась от неожиданности. — Ромка уже куда-то умотал, так что о нём не беспокойся, — она присела на край моего стола, закинув ногу на ногу. — С папой я поговорила — обещал попробовать вразумить его. Короче, можно выдохнуть и полностью погрузиться в работу.

Этим мы и занялись. И просидели до позднего вечера. Я была настолько погружена в бумаги, что потеряла счёт времени. А ещё пропустила тот момент, когда сел мобильный. Даже родителей предупредить не успела, что припозднюсь. Надеюсь, мама сильно беспокоиться не будет. Я ведь и утром никому не сказала, куда собираюсь. Выпорхнула из дома на радостях...

— Так. Думаю, на сегодня мы с тобой можем закончить, — Амелия поднялась, переставила кресло для посетителей на место и потянулась. — Ох, господи, столько дел, — простонала она, а я усмехнулась, пряча телефон в карман сарафана. — Завтра меня не будет. У отца назначено три встречи, которые я перекладываю на тебя. Они не особо важные, поэтому твое сопровождение, наверное, не понадобится. Но обязательно позвони и уточни, остаётся ли в силе договорённость. И не забудь напомнить о ней отцу. А то он с этими бесконечными контрактами и переговорами вполне может запаямывать. В общем, сложностей возникнуть не должно. Но, если что, мой номер у тебя есть — позвонишь.

— Выдыхай, Амелия. Ты всё подробно мне разжевала, каждую встречу пометила маркером. Мне и делать ничего не нужно. Всего-то набрать номер и сказать пару слов, — успокоила её я. Выключив компьютер, подхватила папку с документами и встала.

— Ты мне льстишь, — фыркнула Амелия, но глаза её сверкнули довольством. Она посмотрела на часы и вдруг хлопнула себя по лбу. — Совсем забыла сообщить водителю о том, что теперь он обязан ждать тебя после работы, чтобы отвезти домой. М-да, не думала я, что мы так задержимся... Что ж, тогда побуду сегодня твоим личным шофёром. Идём.

Я попрощалась с Александром Тимофеевичем, и мы с Амелией спустились на нулевой этаж, где была расположена подземная парковка.

— Может, я лучше вызову такси? — с сомнением пробор-мotala я, когда мы подошли к голубой Тойоте. Амелия рас-смеялась, щёлкая брелоком.

— Какое такси, Алина? Садись!

И как бы я ни отнекивалась, спорить с настойчивостью девушки было бесполезно. Ей бы не секретарём быть, а ру-ководителем. Вот кто легко за собой народ поведёт: Лерман Амелия Александровна!

Я назвала адрес, и автомобиль плавно выехал с паркинга.

— А ты очень уверенно держишься за рулём.

— Спасибо, отец учил. Если бы не его уроки, с первого раза я бы на права не сдала, — призналась с улыбкой Аме-лия, поглядывая в зеркала заднего вида. — А у тебя права есть?

— Нет, я боюсь водить, поэтому даже не пыталась, — с тоской провожая глазами проносящиеся за окном много-этажки, поджала губы я. Настроение испортилось, стоило подумать о том, что меня ждёт по возвращении. Точнее, кто. Сергей. Нетрудно вообразить, какую волну протеста вызы-вает одна лишь мысль, что я его увижу. Слава богу, хоть сов-местный ужин я пропустила.

— Алин, ты чего погрустнела? Я что-то не то сказала?

— Нет, всё нормально. Просто домой не хочется.

Я была готова к тому, что последует закономерный во-прос. И желала раскрыться ей — чистосердечно, без утайки. Не столько оттого, что нужно было в очередной раз выска-

заться, сколько оттого, что отплатить Амелии за честность той же монетой было бы справедливо. Она рассказала мне историю своей семьи. Кем я предстану, если уйду от ответа?..

— Почему? — ожидаемо спросила девушка. И я с трудом, но сумела изложить всё сухо и по делу. То ли перегорела, то ли слёз попросту не осталось, но ни одной не проронила.

— Ого, ничего себе! Да у вас Санта-Барбара похлеще нашей, — светофор моргнул красным, и авто замерло. Голос повернувшейся ко мне Амелии наполнился сочувствием: — Это реально ужасно. То, что пережили мы, было давно — мы уже смирились, выкарабкались кое-как. А твоя рана ещё свежа. К тому же каждый день приходится изображать, будто вас не связывает общее прошлое, будто ты ни сном, ни духом о двуличии муженька сестры. Умирать изнутри, но раз за разом улыбаться. Это кошмар! И поверь, я прекрасно понимаю, что ты сейчас испытываешь, — загорелся зелёный свет, и мы тронулись с места. — Если тебе будет некому выплеснуть эмоции, можешь звонить мне в любое время дня и ночи.

— Я говорила, что ты очень похожа на своего отца? — я улыбнулась, ощутив в груди приятное, щекочущее тепло. — Он, когда узнал, что случилось, сказал мне ровно то же самое.

— Видимо, это у нас семейное, — негромко засмеялась девушка, а после разумно рассудила: — Но мне кажется, тебе удобнее будет позвонить мне, чем ему. Всё-таки обсуждать

такое проще с ровесницей, нежели с мужчиной, умудрённым жизнью.

— Твоя правда, — не могла я не согласиться. Мы подъехали к родительскому коттеджу, и Амелия удостоила меня внимательным взглядом.

— Уверена, что всё будет хорошо?

— Расслабься, я и не с таким справлялась. Твоего же брата не испугалась, значит, и тут не пропаду, — на самом деле я, конечно, немного покривила душой, но мне не хотелось, чтобы Амелия тревожилась за меня.

— Ладно, убедила, — шатенка тряхнула волосами. — Завтра в восемь за тобой заедет водитель.

Я кивнула:

— Спасибо, что подвезла, — и махнула рукой, покидая тёплый салон автомобиля. Лишь после того, как Тойота, мигнув фарами, скрылась из вида, я с удручённым вздохом побрела к воротам

Дверь я открывала с явной опаской. И по большей части не из-за Сергея, а из-за родителей. Мне ведь ещё им нужно было о своей работе сообщить. Если папа и поймёт мою позицию, то в маме я не была так уверена. Она, как обмолвилась мимоходом Амелия, считает меня нежным пиончиком, который не может за себя постоять. Но в этом она ошибается. Я не тепличное растение, чтобы постоянно меня оберегать, и шипы у меня имеются.

Дома было на удивление тихо. Мама сидела в гостиной с

книгой в руках. Ни Сергея со Светой, ни отца не было слышно. Я могла бы проскользнуть наверх без лишних объяснений, но с моей стороны это было бы верхом эгоистичности и невоспитанности. Поэтому я бросила папку на тумбочку в прихожей, переобулась в любимые мягкие тапочки и шагнула в гостиную.

— Привет, мам!

Мама вздрогнула и тут же отложила книгу.

— Алина, где ты пропадала весь день? Ни звонка, ни сообщения! Я же волнуюсь, — подлетев ко мне в мгновение ока, озабоченно затараторила она. — Почему у тебя отключён телефон?

— Разрядился, не успела написать тебе, — виновато вздохнула я. Собравшись с духом, решительно посмотрела ей в глаза, вонзая ногти в ладони: — И, пожалуйста, перестань постоянно за меня переживать! Я уже взрослая и достаточно самостоятельная, чтобы не отчитываться перед тобой о каждом своём шаге, — но стушевалась, сбавив обороты, когда мама возмущенно вздёрнула брови. — Кстати, а где Света? — чтобы перевести тему и отвлечь родительницу, поинтересовалась я. Получилось. Мама отпустила меня, нахмурившись и сунув руки в карманы шёлковых домашних штанов.

— Они с Сергеем сегодня ночуют у его родителей, — медленно произнесла она, а я чуть не завизжала от радости! Такой расклад мне очень нравится! Одной проблемой меньше.

Осталась разобраться с последней — и можно облегчённо выдохнуть. — Так где ты была весь день?

— А вот этот вопрос куда занимательнее.

Однако моя предвкушающая улыбка маму ни капли не смягчила: она продолжала недовольно щуриться.

— Ну?

— У меня для вас с папой есть важная новость, которая не терпит отлагательств, — торжественно сообщила.

— Ладно, — настороженно покосилась на меня мама, — пошли. Он в кабинете, как всегда.

Едва мы вошли в отцовский кабинет, мама сходу объявила, что «твоя дочурка принесла нам срочную весть». Она опустилась в кресло, папа сидел за своим рабочим столом, а я осталась стоять.

— Дорогие родители! Сегодня я устроилась на работу в одну фирму, — с чувством провозгласила я. В кабинете установилась тишина. Предки переглянулись. А потом мама театрально ахнула, схватившись за сердце, и открыла было рот, собираясь возмутиться, но её опередил отец.

— Любопытно! И что за фирма, позволь узнать? — поглаживая бородку, осведомился он.

— Макс! — негодуя воскликнула мама и подскочила с кресла. Но родитель поднял руку, останавливая её, и выжидательно уставился на меня.

— Неважно, пап, — отмахнулась я. То была не моя прихоть: один из пунктов соглашения о неразглашении, которое

я собственноручно подписала, учитывал и это желание родных вывести подробности о моей должности. — Главное, что мне там нравится. Кроме того, мои способности впервые в жизни оценили по достоинству! И что бы вы сейчас мне ни сказали, я с этой работы не уйду, — обозначила я заранее и сложила руки на груди, приподнимая подбородок, демонстрируя тем самым непреклонность и серьезность своих намерений. — Вы же оба знаете, как тяжело мне далась практика... Работать в папиной компании без нервов я бы не смогла. А мне надоело сидеть на ваших шеях. Я хочу сама всего добиться! Понимаете?

— Милая... — начала мама, но отец вновь её прервал.

— Алиночка, мы не против, чтобы ты работала, если ты этого желаешь.

Я воодушевилась. Говорила же: папа меня поддержит. А вот мама...

— Максим!

— Цыц, женщина! — притворно сердито рыкнул отец. Уголки его губ подрагивали от сдерживаемой улыбки, в глазах скакали смешинки. — Дочь, можешь работать, но, прошу тебя, не забывай о семье. Звони хоть иногда, мы же волнуемся. Не добавляй матери седины.

— Не поняла, — теперь угрожающе уперла руки в бока родительница. — Это ты сейчас тонко намекнул на то, что я седею?

Они ещё немного попрепирались в шуточной манере, и в

итоге мама сдалась. Даже без скандала. Вот что значит влияние папы. Если бы я один на один с ней говорила, точно поспорились бы. А тут она не то что не злилась — ещё и ужином доченьку накормила. Всё-таки у меня прекрасные и понимающие родители.

Глава 29.

Утром я чуть было не проспала всё на свете. Проснувшись, и пришлось в скором темпе собираться. Водитель меня терпеливо ждал, а потом по каким-то узким улочкам домчал до компании Лермана. В этот раз я уже заходила по своему пропуску. И это было на удивление приятно. Я почувствовала себя частью чего-то большого и важного. Такого со мной не было никогда. И сейчас ужасно мотивировало.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.